

100

ВЕЛИКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ

100 великих

Виорэль Ломов

100 великих судебных процессов

«ВЕЧЕ»

2014

Ломов В. М.

100 великих судебных процессов / В. М. Ломов — «ВЕЧЕ»,
2014 — (100 великих)

ISBN 978-5-4444-7546-1

У земного суда, как у земли, два полюса. Один полюс — правосудие, справедливый суд над преступниками. Другой — беззаконие, все отвратительное, что есть в любом обществе и в самих судьях, — лживость, корысть, пристрастие. При этом всякий незаслуженный приговор — грех не только на судье или присяжных, но и на извращенном социуме, потерявшем всякие ориентиры в морали и справедливости. В очередной книге серии рассказывается о ста наиболее знаменитых судебных процессах разных эпох и разных народов, решения и итоги которых, так или иначе, имели историческое значение для судеб мира и всего человечества. Вот лишь несколько из них: суд над Сократом, процесс по делу тамплиеров, суд над Яном Гусом, трибунал над Жанной д'Арк, процесс по делу Джордано Бруно, процесс Галилея, суды над романом Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» и над сборником стихотворений Шарля Бодлера «Цветы зла», суд над «архитектором Холокоста» А. Эйхманом и т.д. Издание 2-е, исправленное и дополненное

ISBN 978-5-4444-7546-1

© Ломов В. М., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Введение	5
Древний мир	8
Суд Соломона	8
«Право там, где сила»	11
Суд над несправедным судьей	14
Наказание за «обед в пританее»	16
Наместник страшнее чумы	19
«Распни! Распни его!»	23
Средние века	28
Трупный синод	28
Казнь юного короля	31
Процесс по делу тамплиеров	33
Герцог, потерявший голову и имя	37
В огне покинувший этот мир	40
Не вместившийся в этот мир	44
Именем Бога	47
«Входа нет до смерти в рай»	51
Ренессанс	54
Казнь пророка	54
Самосуд над государем великой державы	58
Его душа была белее снега	62
Две сестры во Христе	65
Костер бессмертия	69
XVII век	72
Ночь Гая Фокса	72
Суд над Равальяком	76
Парламентский метод борьбы с инакомыслием	79
Судебная ошибка	82
Голову потеряв, по короне не плачут	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

В.М. Ломов

100 великих судебных процессов

Введение

Два полюса правосудия

*Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка,
И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут...*

Гесиод

*Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!»
«Помилуй, – возопил глухой тому в ответ, —
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».*

А.С. Пушкин

Сказано «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить». (Матф., гл. 7, ст. 2). Сказано для Страшного суда, но и земной суд (суд людской) также имеется в виду.

У земного суда, как у земли, два полюса. Один полюс – правосудие, справедливый суд над преступниками. Другой – беззаконие, все отвратительное, что есть в любом обществе и в самих судьях, – лживость, корысть, пристрастие. При этом всякий незаслуженный приговор – не только грех на судье или присяжных, но и на извращенном социуме, потерявшем всякие ориентиры в морали и справедливости.

Примером истинного суда является суд над детоубийцей Л. Тессновым, когда суд впервые использовал в качестве вещественных доказательств анализ кровяных пятен на одежде убийцы. Случаям же несправедливых судов несть числа. Среди них величайший по несправедливости – трибунал над Иисусом Христом. Это суд, оказавший беспрецедентное влияние на ход мирового развития и фактически давший начало новой эры, ответил на три вечных вопроса: «А судьи кто?» (власть), «Кто мы?» (народ), ответы на которые, увы, не украсили ни тех, ни этих; и «Что есть истина?» (Сам Иисус Христос).

Иногда (увы, очень редко!) неправедный судья получает воздаяние за свои злодеяния еще при жизни, как это случилось в правление персидского царя Камбиса, велевшего содрать с блюстителя закона мздоимца Сисамна кожу и в качестве отрезвляющего напоминания обтянуть ею кресло очередного судьи – Отана, сына Сисамна.

В этой книге рассмотрены сто великих судебных процессов разных времен и разных народов, решения и итоги которых, так или иначе, имели историческое значение для судеб мира и всего человечества. Вот лишь несколько из них: суд над Сократом, процесс по делу тамплиеров, суд над Яном Гусом, трибунал над Жанной д'Арк, процесс по делу Джордано Бруно, процесс Галилея, суды над романом Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» и над «Цветами зла» Шарля Бодлера, суд над «архитектором Холокоста» А. Эйхманом и т. д.

Конечно же, нельзя было упустить и процессы жуликов и авантюристов (Калиостро, Артуро Рейса, Чеслава Боярского и т. д.), биографии которых занимают многих литераторов и читателей. Еще бы – они были гениями криминала. Скажем, Виктор Люстиг дважды продал Эйфелеву башню. Но нас в таких случаях больше интересовали не личность преступников, а юридические казусы, связанные с судами над ними.

Кстати, о литераторах и других деятелях культуры. С ними и их окружением связано много процессов, оставшихся в истории мирового правосудия только благодаря имени мастера и шуму, которым сопровождался суд над любимцем муз. Военный суд над участниками дуэли А. С. Пушкина с бароном Ж. Ш. Геккереном-Дантесом, суд над Оскаром Уайльдом, Соединенные Штаты против книги, именуемой «Улисс», и др. – это самые «безобидные» процессы, поскольку в них нет маньяков и государственных преступников.

Маньякам же (дело о ядах, дело дона Винсенте, процесс Ландрю и др.), как и государственным преступникам (военный суд над убийцами Авраама Линкольна, судебный процесс по делу сараевского покушения на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и др.), также уделено место. Между этими судами есть существенное отличие. Суды над маньяками не пересматривались потомками как неправильные, а вот отношение к судам над политическими и государственными преступниками очень сильно менялось в зависимости от конъюнктуры момента и ангажированности редакторов истории (суд над декабристами, суд над Бейлисом, московские политические процессы 1930-х гг., процесс высших офицеров РККА и т. п.).

Есть очерки о процессах монархов и государственных деятелей – суды над Конрадином и над Марино Фальеро, процессы Марии Стюарт и Карла I Стюарта, трибуналы над Бхутто и над Саддамом Хусейном и т. д. Есть суды над убийцами первых лиц государства – над первомайцами, Каракозовым, Богровым; над шпионами – Матой Хари, Розенбергами и пр. Не оставлены без внимания и военные преступники, осужденные Нюрнбергским и Токийским трибуналами.

Очерки выстроены в хронологическом порядке – от X в. до н. э. вплоть до наших дней.

Одни суды интересны борьбой обвинения и защиты, другие – следствием (оно входит как составная часть в судебный процесс), третьи – судьбой фигурантов и т. д. К сожалению, далеко не все материалы судов доступны, поэтому я описал те моменты процессов, которые мне представляются наиболее заслуживающими внимания.

В книге нет судов скандальных, как, скажем, над Дантоном или Бабёфом, поскольку они являются очередным политическим сведением счетов и никакого значения для развития суда не дали.

Нет и таких судов, какой произошел, например, в 1978 г. в Колорадо (США). Местная телекомпания подала иск на диван – за то, что на диване телезрители спали, а не смотрели телепередачи. Хотя я не удержался и поместил материал о судах над животными за преступления, совершенные ими против людей, в качестве образца, типичного для европейского и американского правосудия.

Для очень многих персонажей этой книги, волею судеб оказавшихся по разные стороны судейской кафедры, безразлично, судят они или судят их, со щитом они или на щите, т. к. даже тем, кто уже сгорел на огне, все равно еще предстоит гореть в огне вечном.

13 очерков – «Где правда, а где ложь?», «Покушение у ворот Летнего сада», «Первомайцы», «Парадоксальные процессы по делу капитана Дрейфуса», «Самый таинственный процесс», «Дело Бейлиса», «Московские политические процессы 1930-х гг.», «Суд над высшими офицерами РККА», «Нефть и фантазеры», «Добрый дедушка Мандела», «Под именем Холден Колфилд, или Самый мистический процесс», «Процесс, похожий на трагифарс», «Бог троицу любит (процессы Майкла Джексона)» – написаны Виктором Ереминым.

Выражаю горячую признательность за огромную помощь писателю Виктору Еремину, моей жене Наиле, дочери Анне и редакторам издательства «Вече» Сергею Дмитриеву и Николаю Смирнову.

P.S. Чтобы понять цену одной судебной ошибки, которая может перечеркнуть дюжину справедливых приговоров, приведу «Эпитафию, написанную Вийоном для него и его товарищей в ожидании виселицы», в переводе И. Г. Эренбурга.

Ты жив, прохожий. Погляди на нас.
Тебя мы ждем не первую неделю.
Гляди – мы выставлены напоказ.
Нас было пятеро. Мы жить хотели.
И нас повесили. Мы почернели.
Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать – безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.
Дожди нас били, ветер тряс и тряс,
Нас солнце жгло, белили нас метели.
Летали вороны – у нас нет глаз.
Мы не посмотрим. Мы бы посмотрели.
Ты посмотри – от глаз остались щели.
Развеет ветер нас. Исчезнет след.
Ты осторожней нас живи.
Пусть будет твой путь другим.
Но помни наш совет:
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.
Господь простит – мы знали много бед.
А ты запомни – слишком много судей.
Ты можешь жить – перед тобою свет,
Взглянул и помолись, а Бог рассудит.

Древний мир

Суд Соломона

Начать книгу с суда праведного, краеугольного камня правосудия, сам Бог велел. О суде Соломона, как некоем эталоне мудрого, правого и скорого суда, говорят без малого три тысячи лет.

Третий царь Израильско-Иудейского государства Соломон (Шломо – от евр. «мирный», «благодатный»; ок. 965–928 г. до н. э.) признается и ныне величайшим «солнцеподобным» мудрецом, творцом «золотого века» Израиля. По Библии, страна в правление Соломона процветала. Только одного золота монарх получал в год 666 талантов (свыше 30 т) – для небольшого государства это фантастическое количество. Недаром «три шестерки» стали заветным числом идолопоклонников.

Царь – это законодатель, высший правитель и судья людям, и именно по его судебским делам о нем судят как о праведном или, напротив, неправедном государе.

Чаще всего библейскую историю о двух женщинах и младенце пересказывают своими словами, но все же лучше процитировать короткий, как и сам суд, отрывок из Священного Писания:

«Тогда пришли две женщины блудницы к царю и стали пред ним.

И сказала одна женщина: о, господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме;

на третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две были в доме;

и умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди;

утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот, он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила.

И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой живой. И говорили они так пред царем.

И сказал царь: эта говорит: мой сын живой, а твой сын мертвый; а та говорит: нет, твой сын мертвый, а мой сын живой.

И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она – его мать.

И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд».

(Третья книга Царств, гл. 3, ст. 16–28)

Суд Соломона. Гравюра Г. Доре

Какой разительный контраст суду современному, долговому, погрязшему в макулатуре дел, показаниях свидетелей и словах участников процесса, часто безучастных к выявлению истины и к судьбе осуждаемых! Недаром суд Соломона был запечатлен на фресках и в живописных полотнах Рафаэлем, Н. Пуссенем, Рубенсом, Г. Доре, К. Флавицким, Н. Ге и др., стал фольклорным сюжетом многих народов мира. В России XVI–XVII вв., например, было множество лубочных картинок и рукописных сборников нравоучительной литературы на эту тему, а в мире выражение «Соломонов суд» стало крылатым.

Соломон наглядно показал изначальный и единственный смысл суда – справедливость, для чего собственно только и пишутся законы. Гладко на бумаге, а вот в жизни закон часто бывает «дышлом», отчего и возникла расхожая фраза «А судьи кто?» (А. С. Грибоедов).

Вопрос неспроста, т. к. именно судья наделен правом «казнить или миловать» – не только по прениям сторон, но и по своей совести.

«Право там, где сила»

Судебный процесс за раздел имущества между двумя братьями стал основой и поводом для написания древнегреческим поэтом Гесиодом поэмы «Труды и дни». С тех пор свершилось множество похожих судов. Правда, все они остались в архивах судов и в короткой памяти потомков, а этот – в великом произведении мировой литературы.

За одно лишь это тяжбу меж Гесиодом и Персом можно причислить к великим судебным процессам человечества. Если не считать легендарного описания суда ахейцев в «Илиаде» Гомера, это был первый, зафиксированный в художественной литературе случай гражданского суда.

Первая страница «Трудов и дней» Гесиода. Базельское издание 1539 г.

История же «братской» тяжбы такова.

Уроженец малоазийского города Кимы, Гесиод, вместе с семьей переселился в греческую Беотию, самую обширную из стран Средней Греции со столицей Фивы и обителью муз горой Геликон. После смерти отца оба брата получили в наследство равными долями небольшой участок земли, ставший предметом их раздора.

Расчетливый Перс подкупил судей-«дароядцев» (дармоедов) и, втянув брата в обременительную тяжбу за передел наследства, отсудил у Гесиода большую часть имущества. Гесиод вынужден был покинуть родной дом, какое-то время скитался, едва не умер от голода. Скрашивало жизнь скитальцу его поэтическое творчество, высоко ценимое современниками. В конце концов, рапсод вернулся на родину к крестьянским трудам, которые перемежал со стихотворчеством: «Землю попашет, попишет стихи» (В. Маяковский). В конце концов, Гесиод упорным трудом вернул себе утраченный достаток, а ленивый Перс проел все свое добро. Когда он пришел к брату с протянутой рукой, Гесиод простил непутевого родственника, но не дал ему ничего, кроме назидательной поэмы «Труды и дни», а заодно и бессмертия.

(Существует еще одна трактовка взаимоотношений Гесиода и Перса, сводящаяся к тому, что «Перс только пытался получить больше, чем ему полагалось по закону, но не преуспел», в связи с чем Гесиод и написал поэму, как наставление брату заниматься хозяйством систематически, а не тратить время попусту на судейские тяжбы).

«Труды и дни» позволяют реконструировать не только состояние суда в архаическом обществе, но и социальную обстановку в Беотии той поры. Судя по всему, она была невеселой.

Внешние войны утихли, разгорелись внутренние. Сильная элита доблестно грабила население, прибирая к рукам все, что прибиралось, в т. ч. и по суду. Уж о чем, о чем, а о суде Гесиод писал со знанием дела. И главный призыв поэта был – избегать несправедливых судилищ, взятых на взятках и кумовстве, в которых царили беззаконие и произвол, и бал коллегально правила знать («цари»). Профессиональных судей тогда еще не было, да и других судов, судя по пессимизму поэта, тоже: «Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы, Да заказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым, Если чем кто неправее, тем легче управу находит?» Для человечества Гесиод отчеканил непревзойденный девиз: «Право там, где сила».

Однако же силе и насилию, как отметили историки права, Гесиод противопоставил справедливость; у него «впервые встречается зарождение двух понятий, которые проходят через всю древнегреческую политическую и правовую мысль: понятие о праве по природе, или естественное право, и понятие о праве, установленном людьми».

Собственно судебному процессу посвящено несколько фрагментов поэмы, давших впечатляющую картину суда в архаическом обществе, показавших, как немил суд даже истцу.

Гесиод по этому поводу оставил наставления о том, как избежать суда: «Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил. Злее всего от дурного совета советчик страдает»; «Дурни не знают, что больше бывает, чем всё, половина» и т. д.

Подарил поэт и советы, как спастись от осуждения на суде: «Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим: Не победит он его – к униженью лишь горе прибавит!»; «Кто ж в показаньях с намереньем лжет и неправо клянется, Тот, справедливость разя, самого себя ранит жестоко»...

«Вплоть до конца VIII в. до н. э. в Греции не было профессионального суда, и тем более не существовало структур, призванных обслуживать сферу правосудия, – замечает историк Л. А. Пальцева. – Видимо, неслучайно суд при Гесиоде рассматривает главным образом имущественные тяжбы – дела именно такого рода могли быть разрешены без наличия сложной судебной машины».

Суд заседал на агоре под открытым небом, в присутствии обывателей. На процессе выступали свидетели, давшие клятву говорить одну лишь правду, очень часто нарушаемую ими.

«Недостатки судебной системы, с которыми сталкивался, видимо, не только Гесиод, но и многие его современники, заставляли общество искать пути к ее усовершенствованию. Это предопределило дальнейшее движение правосудия в направлении кодификации права, совершенствования судебной процедуры и создания специальных судебных органов, т. е. судебной ветви власти».

Гесиод описал не только современный ему суд, но и показал нормы общественного поведения, по которым жили люди в Греции до «всеобщего падения нравов»: «уважение к старшим, и прежде всего – к родителям, обязанность детей содержать родителей в старости, помощь родственникам, гостеприимство, верность данной клятве...». Государство, где процветает беззаконие, подвергается голоду и чуме – утверждал Гесиод.

От будущего поэт и вовсе не ждал ничего радостного. Противопоставив прошлое Греции (золотой, серебряный, медный, героический века) настоящему железному веку, рапсод нарисовал апокалипсическую картину грядущего.

Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохраниль,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно

Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесь и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Знакомая картина...

Суд над неправедным судьей

Об отношении людей к неправедным судьям можно найти много историй в фольклоре.

Как-то раз Ходжу Насреддина пригласил на соколиную охоту султан. У Насреддина сокола не было, и он в поле пустил ворону. Ворона села на быка, и Ходжа повел быка домой. Хозяин не захотел отдавать быка и пожаловался кади (судье). Насреддин посулил судье подарок, и кади на суде счел быка охотничьей добычей Ходжи. В благодарность Насреддин презентовал кади горшок с бычьим навозом, прикрытый сверху капустным листом и залитый маслом.

Когда кади зачерпнул ложкой маслице и увидел, что там, он позвал Насреддина и попенял ему: «Ах ты, негодяй, чем же ты меня угощаешь?»

«— Ты сам себя так угостил, почтенный кади, — ответил ему Ходжа Насреддин. — Ты уже наелся из этого горшка, когда вынес приговор. Разве ворона может поймать быка?»

Сказал и пошел прочь» (Книга о судах и судьях).

Похожая история случилась более трехсот лет назад и в России. Ее можно прочесть в сатирической повести «Шемякин суд».

Как-то бедняк попросил у своего богатого брата лошадь, чтобы привезти из лесу дров. Брат лошадь дал, а хомут пожалел. Бедняк привязал дровни к хвосту лошади и поехал. Дровни зацепились за пенек, и лошадь лишилась хвоста. Богатей повел брата в город к судье Шемяке.

По дороге заночевали у попа. Бедняк свалился с полатей и задавил в люльке поповского ребенка. Наутро в город с братьями отправился и поп жаловаться на убийца. Когда шли по мосту, бедняк, желая покончить с собой, бросился в ров, но упал на старика и прибил того насмерть. Сын убитого присоединился к двум истцам.

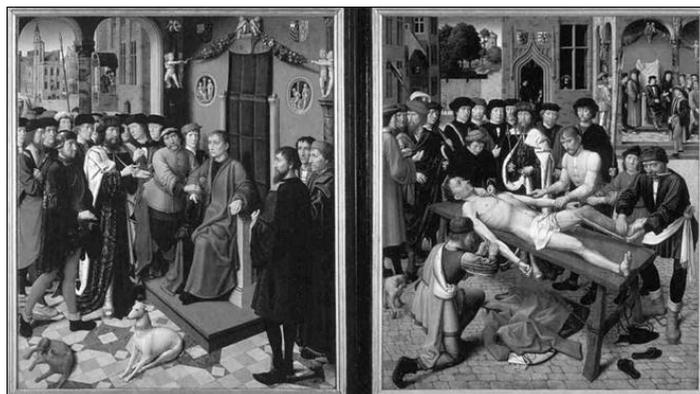
Бедняк подобрал камень и завернул его в платок. При разборе каждого дела он показывал Шемяке узелок.

Судья, решив, что ответчик сулит ему золото или серебро, решил дело в его пользу: приговорил отдать лошадь бедняку, покуда у нее не отрастет хвост, попадью отдать бедняку, чтобы она родила сына взамен убиенного, а сыну погибшего старика броситься с моста на ответчика.

Понятно, что истцы не были в восторге от судейского решения и уже после суда отказались от своих претензий, откупившись от бедняка неплохими деньгами.

Когда Шемяка пожелал получить награду за свои труды, бедняк показал ему камень, которым убил бы его, не пойми судья его «намек». Надо ли говорить, как счастлив был Шемяка, избежавший смерти.

Но это все цветочки, ягодки же были еще за две с лишним тысячи лет до Шемяки. В истории мирового правосудия уникальным явлением стал суд персидского царя Камбиса (умер в 522 г. до н. э.), покорителя Египта. О суде поведал древнегреческий историк Геродот (484 г. до н. э. — 425 г. до н. э.).

Суд Камбиса. Диптих Г. Давида. 1494–1498 гг.

«Отана же он (царь Дарий. – *В.Л.*) назначил начальником войска в Приморской области. Отец этого Отана – Сисамн был одним из царских судей. За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором тот восседал в суде. Обтянув кресло (такими ремнями), Камбис назначил судьей вместо Сисамна, которого казнил и велел затем содрать кожу, его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседавая он судит» (Геродот. История. Терпсихора. Книга 5, глава 25).

Других записей о суде Камбиса не сохранилось.

Эта история почти два тысячелетия была памятна всем образованным людям (в т. ч. и судьям), но в широкое общественное сознание она вошла благодаря назидательной картине-диптиху фламандского художника Давида Герарда (ок. 1460–1523) «Суд Камбиса», созданной в 1498 г. У картины есть еще несколько названий: «Страшный суд», «Продажное правосудие», «Сдираание кожи с продажного судьи». Диптих ныне находится в Муниципальной художественной галерее г. Брюгге (главный город бельгийской провинции Западная Фландрия).

«Суд Камбиса» был написан мастером по заказу городских властей Брюгге и помещен в зале судебных заседаний ратуши для напоминания судьям об их судейском долге и судейской чести.

В картине Давид полностью реконструировал судебный процесс Сисамна. На левой части диптиха воссоздан «Арест судьи», на правой «Казнь судьи». В момент ареста Камбис уличает несправедного судью Сисамна, удерживаемого стражником, в преступлении, перечисляя ему на пальцах все случаи мздоимства. За креслом судьи стоит его сын Отан, будущий преемник. А на заднем плане изображена предыстория ареста – на крыльце проситель протягивает судье кошель с деньгами.

На правой части диптиха изображено, как в присутствии царя и придворных палач сдирает с живого судьи кожу. На заднем плане, на судейском кресле, покрытом кожей, снятой с казненного, сидит Отан. Возле него проситель, явно искушающий судью взяткой.

Возьмет ли ее Отан?

Если под Отаном разуместь судей вообще, не исключено, возьмет. В России, например, берут.

Наказание за «обед в пританее»

Оценивая роль Сократа в истории человечества, богословы называют его «христианином до Христа», а философы «первым философом в собственном смысле этого слова». Наиболее полное описание жизни древнегреческого философа, впервые рассмотревшего природу человека, оставили его апологеты философ Платон и историк Ксенофонт, а также его противник «отец комедии» Аристофан.

Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.), в которой противостояли друг другу два союза – Делосский во главе с Афинами и Пелопоннесский под предводительством Спарты, закончилась поражением Афин, в которых была установлена власть Тридцати тиранов. После свержения проспартанских правителей в Афинах восстановилась видимость народовластия, но афиняне видели: государство зависло над бездной. В поисках виновников своих бед демократы нашли «крайнего» – 70-летнего Сократа, уроженца Афин, не раз доблестно защищавшего полис от врагов. Оснований, из которых легко было состряпать обвинение, хватало.

Прокурора в Афинах еще не было, обвинения выносились частными лицами. Ими стали кожевник-коррупционер Анит, юный поэт Мелет и оратор Ликон. Стихотворец развесил объявления: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софрониска из дема Алопеки. Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание – смерть».

Клеветники фактически обвинили философа в безбожии. Развращение же молодежи стало формальным поводом для сведения счетов. «Развращенной» молодежь называли за то, что она, наслушавшись речей Сократа и переняв его диалектику, также любила «испытывать» своих папаш беседой, ставя их часто в тупик.

Сократ выпивает чашу с ядом

Да что там молодежь! Философ и сам «испытал» многих афинян на предмет их умения рассуждать. Железная логика и смирение мудреца бесили граждан. А он лишь сетовал: «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого». «Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это, не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» (Диоген Лаэртский).

Не могли простить новые власти Сократу и его критики государственного устройства. Были у философа грехи и в прошлом: его ученики Алкивиад и Критий принесли немалый вред Афинам. Этому философу открыто в вину не ставили, но судьи, естественно, имели в виду.

В мае 399 г. до н. э. Сократ предстал перед одной из 10 коллегий суда присяжных. В состав суда входило 6000 членов, из которых 5000 были основными и 1000 запасными судьями. Судьи избирались ежегодно по жребию из граждан, достигших 30 лет, по 600 человек от каждой из 10 фил (общин) Аттики. Судебная коллегия, где разбиралось дело Сократа, состояла из 501 человека. Постановления принимались большинством голосов.

Для многонаселенных Афин всякий суд был праздник. Дело же одиозного Сократа привлекло весь город. Говорят, обвинители не жаждали крови Сократа, с них вполне хватило бы, если бы Сократ сбежал из Афин и не явился на суд. Именно это предложил старику Анит. Ведь, в конце концов, вся обида скорняка заключалась в том, что некогда Сократ высмеял его во время публичной дискуссии. Но мудрец проигнорировал «заботу» кожевника и, отказавшись от законной помощи знаменитого составителя судебных речей (логографа) Лисия, пошел на суд, «вполне сознавая грозящую ему опасность».

После речей обвинителей, потребовавших смертной казни для Сократа, обвиняемый взял слово и сказал, что он защищается только потому, что этого требует закон. Призвав судей ценить выше всего духовные блага, а не материальные, Сократ в первой части речи сказал о том, что нет ничего предосудительного в исследовании натурфилософских проблем и что «воспитание людей он считает полезным делом». При этом заметил, что никакой платы за это он не брал. Конкретно же своим обвинителям философ, в частности, указал, что «нелепо считать его развратителем молодежи и одновременно признавать, что все остальные граждане, в том числе судьи или сами обвинители, никого не развращают».

«Отвергать одних богов и признавать других – вовсе не значит быть безбожником», – заявил Сократ и добавил, что на него богами возложена миссия – воспитывать своих граждан (в т. ч. и судей) в духе добродетели. Когда же он сообщил, что, по словам дельфийской пифии, «нет человека более независимого, справедливого и разумного, чем Сократ», он сам себе подписал смертный приговор.

Суд признал Сократа виновным – при соотношении голосов 280 против 221. Для оправдания недоставало 30 голосов. Сократу, как обвиненному, по закону оставалось предложить самому себе меру наказания – не ту, что вменяли ему обвинители, а которую он заслуживал в собственных глазах – штраф, тюремное заключение, изгнание из Афин... Судьи же по своему усмотрению должны были выбрать тот или иной вариант.

Друзья философа были уверены, что при втором голосовании дело закончится оправданием, но обвиняемый обманул ожидания друзей и суда. Он вдруг заявил, что для него, человека достойного, но бедного, «нет ничего более подходящего, как обед в пританее!» (Здание, в котором обедали на государственный счет пританы – члены совета и лица, оказавшие Афинам важные услуги). Свое «наказание» подсудимый подкрепил весомой аргументацией: «Убежденный в том, что не обижаю никого, я ни в коем случае не стану обижать и самого себя, наговаривать на себя, будто я заслуживаю чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание». Сократ все же согласился по бедности уплатить штраф в одну мину серебра. Все его движимое и недвижимое имущество оценивалось в 5 мин.

При этом обвиняемый не молил, как было принято, о прощении и не обещал бросить занятия философией; он даже запретил плакать о нем родственникам.

Восприняв пассаж философа как издевательство, суд 360 (против 141) голосами вынес Сократу смертный приговор, окончательный и не подлежащий обжалованию. «Никто не желает зла», – говаривал философ, судя по всему, еще до суда.

После вынесения приговора Сократ обратился к судьям: «Я уйду отсюда, приговоренный вами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости».

В связи с отсутствием в Афинах священного посольства, без которого смертная казнь запрещалась, приговор был отсрочен на 30 дней. Сократа в тюрьме навещали друзья – они были «подавлены мыслью о предстоящей разлуке с ним и в то же время поражены величию его духа, его истинно философским спокойствием и необычайным мужеством перед лицом смерти».

Узнику был подготовлен побег, но он отказался, решив во всем остаться верным законам Афин. Ведь только благодаря законам, считал Сократ, существует государство, и «вопреки мнению большинства, нельзя отвечать несправедливостью на несправедливость».

В свой последний день Сократ не стал ждать захода солнца, попросил принести ему чашу с ядом, цикутой (по другой версии, болиголовом), и спокойно выпил ее. Перед смертью Сократ попросил принести в жертву богу врачевания Асклепию петуха, как благодарность за выздоровление, «символизируя этим свою смерть как выздоровление, освобождение от земных оков».

До сих пор юристы спорят о справедливости приговора, а философы о причинах, побудивших Сократа «принудить» суд к обвинительному вердикту – ведь «в сущности он (Сократ. – В.Л.) и до сих пор остался непонятным, как непонятна его казнь, производящая такое впечатление, что не афиняне его казнили, а сам он заставил их себя казнить» (А. Ф. Лосев).

Смерть Сократа оставила не меньше вопросов, чем задала их его жизнь. «В самом деле, как быть, если индивидуальное сознание сталкивается с общественным, если совесть одного идет вразрез с убеждением многих? Что делать, если мнение одного из граждан противоречит интересам государства, его требованиям? Как поступить тем, теоретическая и практическая деятельность которых вызывает недоверие и вражду со стороны окружающих людей? Какой приговор можно вынести человеку, обвиненному в подрыве устоев общественной и семейной жизни, если к тому же он решительно отказывается от какого-либо компромисса с людьми, считающими его деятельность разрушительной и даже пагубной? Словом, как быть, если один идет наперекор всем и считает истиной то, что, по мнению остальных, является опасным заблуждением?» (Ф. Х. Кессиди).

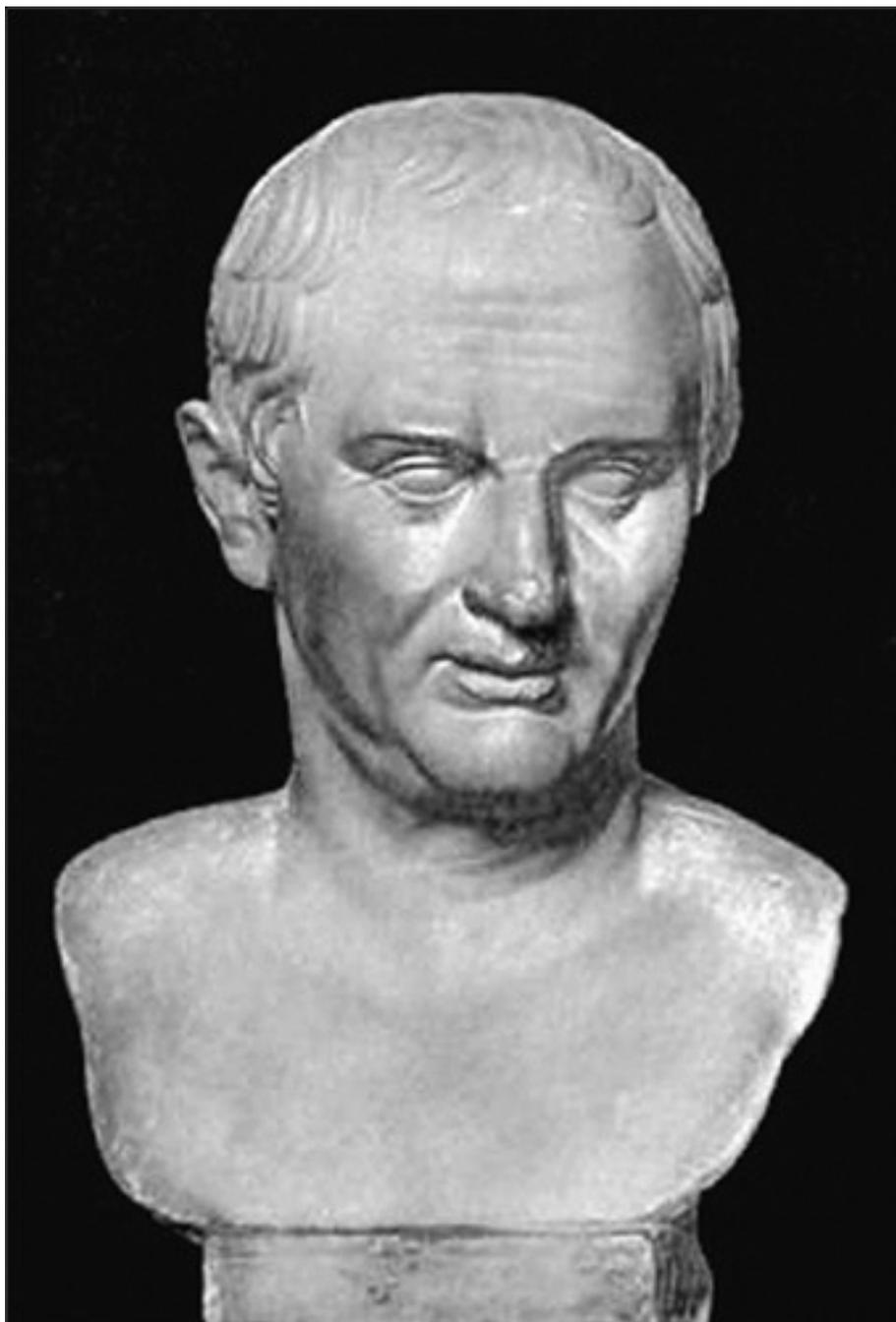
В последнее время многие правоведы склоняются к тому, что «афиняне, казнившие Сократа, были правы, так как они отстаивали основы своей “нравственной жизни”. Однако и Сократ был прав, так как он выдвинул новый принцип, ознаменовавший собой наступление новой эпохи, новой фазы в истории мира и всего человечества». Главный вопрос жизни, провозгласил философ, есть вопрос о добре и зле, и человек при любых обстоятельствах может и обязан выбирать добро.

Наместник страшнее чумы

Римское право – великое творение римских юристов, в самом Древнем Риме не всегда соблюдавшееся. Для римлян зачастую личные связи и золото были выше писанных законов, и сами законы применялись либо избирательно, преимущественно для неримлян, или когда судьям и власти было выгодно блюсти именно эти законы. «Как бы нам ни хотелось, речи Цицерона вовсе не свидетельствуют о справедливости римского суда и величии римских законов, а лишь говорят о том, что в определенных условиях честные люди могли все же противостоять несправедности судей, умели находить лазейки в бетонной стене корысти и круговой поруки высших слоев общества» (В. Н. Еремин).

«Чего всего более надо было желать, судьи... в столь ответственное для государства время. Ибо уже установилось губительное для государства, а для вас опасное мнение... будто при нынешних судах ни один человек, располагающий деньгами, как бы виновен он ни был, осужден быть не может. И вот, в годину испытаний для вашего сословия и для ваших судов... перед судом предстал Гай Веррес, человек, за свой образ жизни и поступки общественным мнением уже осужденный, но ввиду своего богатства, по его собственным расчетам и утверждениям, оправданный. Я же взялся за это дело, судьи, по воле римского народа и в оправдание его чаяний... дабы избавить всех нас от бесславия. Ибо я к суду привлек такого человека, чтобы вы вынесенным ему приговором могли восстановить утраченное уважение к судам, вернуть себе расположение римского народа, удовлетворить требования чужеземных народов. Это – расхититель казны, угнетатель Азии и Памфилии, грабитель под видом городского претора, бич и губитель провинции Сицилии. Если вы вынесете ему строгий и беспристрастный приговор, то авторитет, которым вы должны обладать, будет упрочен; но если его огромные богатства возьмут верх над добросовестностью и честностью судей, я все-таки достигну одного: все увидят, что в государстве не оказалось суда, а не что для судей не нашлось подсудимого, а для подсудимого – обвинителя» (из речи Цицерона против Верреса).

Судебный процесс по делу бывшего наместника Сицилии Гая Лициния Верреса принес 36-летнему квестору (младшему чиновнику), служившему какое-то время на Сицилии, а затем в Риме, Марку Туллию Цицерону (106—43 гг. до н. э.) всеримскую славу. Дело явилось трамплином для «нового человека», ставшего в 63 г. до н. э. консулом Рима, раскрывшим антигосударственный заговор Катилины, за что он был назван «отцом отечества».

Цицерон. Античный бюст

Подсудимый же, Гай Веррес, за 3 года наместничества (73–71 гг. до н. э.) фактически опустошил остров. Доведенные до крайности, городские общины Сицилии на основании Корнелиева закона о вымогательстве подали против своего проконсула беспрецедентный, но реальный иск в 100 млн сестерциев (около 100 млн долл США), сопоставимый с реальными доходами Рима. Обвинителем сицилийцы попросили выступить Цицерона, которого помнили как честного и справедливого чиновника, руководившего вывозом зерна в период нехватки хлеба в Риме, и талантливого оратора.

Проведя в Сицилии следствие, собрав за 50 дней письменные доказательства вины Верреса и вызвав свидетелей, Цицерон вернулся в Рим и инициировал процесс против наместника.

Веррес был большой знаток законов, а паче того, как обходить их. То он попросту крал казенные деньги, подставляя своих начальников. То, пользуясь своей властью, не раз возбуждал

судебное преследование гражданина, собирающегося принять богатое наследство, в результате чего получал или откупные от наследника, или все его наследство. То, изменив цену закупки зерна и правила учета, безмерно обогащался за счет граждан, пока не превратил Сицилию – основную поставщицу хлеба для нужд Рима и Италии – в нищую провинцию Империи. То «на глазах у всех ограбил в Сицилии все здания – как священные, так и мирские, как частные, так и общественные, и... совершая всякого рода воровство и грабеж, он не только не чувствовал страха перед богами, но даже не скрывал свои преступления». То во время восстания Спартака, когда тот в 71 г. со своей армией подошел к Мессинскому проливу и попытался переправить часть своих войск в Сицилию, Веррес взял с него деньги, обещая предоставить корабли морских пиратов, но обманул восставших, а себе поставил это в заслугу. То – совсем уж вопиющий случай! – придумал «новый способ грабежа» военного флота: захватив все источники финансирования (хлеб, жалование и пр.) флота, Веррес «стал за определенную плату отпускать матросов со службы, а все жалование, причитающееся отпущенным, присваивать себе». Ослабление флота достигло такой степени, что корабли римлян стали захватывать пираты. Некоторым удавалось сбежать от пиратов, но их капитанов Веррес обвинял в предательстве и предавал казни. Более того, когда пиратов ловили, проконсул за деньги отпускал их на волю (либо продавал в рабство), а вместо них публично казнил узников из своих тюрем – римлян или сицилийцев! Все свои преступления, как и водится в этих случаях, наместник топил в вине, обжорстве и разврате, совращая детей и жен distinguished подданных.

«Но самые многочисленные и самые важные доказательства и следы всех своих пороков он оставил в провинции Сицилии, которую он в течение трех лет так истерзал и разорил, что ее совершенно невозможно восстановить в ее прежнем состоянии... Наши преданнейшие союзники были отнесены к числу врагов, римские граждане были подвергнуты пыткам и казням, словно это были рабы; преступнейшие люди были за деньги освобождены от судебной ответственности, а весьма уважаемые и бескорыстнейшие, будучи обвинены заочно, без слушания дела были осуждены и изгнаны; прекрасно укрепленные гавани и огромные, надежно защищенные города были открыты пиратам и разбойникам; сицилийские матросы и солдаты, наши друзья и союзники, были обречены на голодную смерть; прекрасный, крайне нужный нам флот, к великому позору для римского народа, был потерян нами и уничтожен...» – это только краткий отрывок (1 %, не более) из обвинения Цицерона.

Короче, не было той гнусности, которую не сотворил бы Веррес вопреки закону, открыто и нагло, пользуясь покровительством центральных властей и долготерпением провинциалов.

Имея неограниченные средства для подкупа и поддержку властей разного уровня, Веррес был уверен в оправдательном вердикте. Нельзя сбрасывать со счетов, что на стороне обвиняемого хоть и неявно был славный полководец Помпей, принявший щедрую помощь Верреса в испанской войне против Сертория, когда сенат не высылал ему своевременно денег и необходимых припасов и снарядов. Немало израсходовал Помпей «заемных» средств и в самом Риме для получения консульства на 70 г. «Деньги, собранные Верресом в Сицилии, формировали “черную кассу” Помпея, за счет которой поддерживалось, а затем и усиливалось его политическое влияние» (А. Н. Нуруллаев).

Бывший наместник подкупил наличный состав суда за большие деньги (их таскали корзинами), но Цицерон все же добился отставки судей. Тогда обвиняемый нанял в качестве адвоката знаменитого оратора Гортензия (будущего консула на 69 г. и любителя изысканных блюд из павлинов) и подкупил некоторых новых преторов, всячески затягивавших процесс, с тем, чтобы перенести его на следующий год, когда обновится состав судей, более благосклонных к Верресу.

Однако Цицерон оказался бойчее бывшего наместника и явных и тайных его покровителей и апологетов. Намерения обвинителя стали ясны уже после первого его выступления в суде: «Я утверждаю, что Гай Веррес в своей разнузданности и жестокости совершил много

преступлений по отношению к римским гражданам и союзникам, много нечестивых поступков по отношению к богам и людям и, кроме того, противозаконно стяжал в Сицилии 40 000 000 сестерциев. Я докажу вам это с полной ясностью на основании свидетельских показаний, на основании книг частных лиц и официальных отчетов».

Во время процесса Цицерон постоянно «остужал» судей, напоминая им об их долге: «О, достопамятные суды!.. Разве Веррес питал бы какую-либо надежду на благоприятный исход суда, если бы у него не сложилось дурного мнения о вас? Поэтому Веррес должен быть вам ненавистен еще более, чем римскому народу, если это возможно, так как считает вас равными себе по алчности, способности к злодеяниям и клятвопреступлению... В этом судебном деле вы вынесете приговор обвиняемому, а римский народ – вам».

Слушание дела началось 5 августа 70 г. и должно было быть прервано из-за ряда общественных игр... В интересах обвинения было закончить весь процесс до начала общественных игр. Поэтому Цицерон вместо длинной речи произнес ряд коротких, сопровождая каждую чтением документов и представлением свидетелей. Уже 7 августа Веррес сказался больным и не явился в суд; вскоре он покинул Рим. Гортенсий отказался защищать его. Допрос свидетелей и чтение документов закончились на девятый день суда. Суд подтвердил факт добровольного изгнания Верреса и взыскал с него в пользу сицилийцев 40 000 000 сестерциев.

Что же в итоге? Грабитель и убийца, но урожденный гражданин Рима, по римским законам на деле отделался легким испугом. Единственное практическое достижение Цицерона – возвращение средств Сицилии (хотя таких сведений, что деньги дошли до места, мне не попалось). Увы, законы не дали справедливости. И в таких решениях коренились причины падения поздней Римской республики, которые одновременно предопределили грядущую гибель Римской империи.

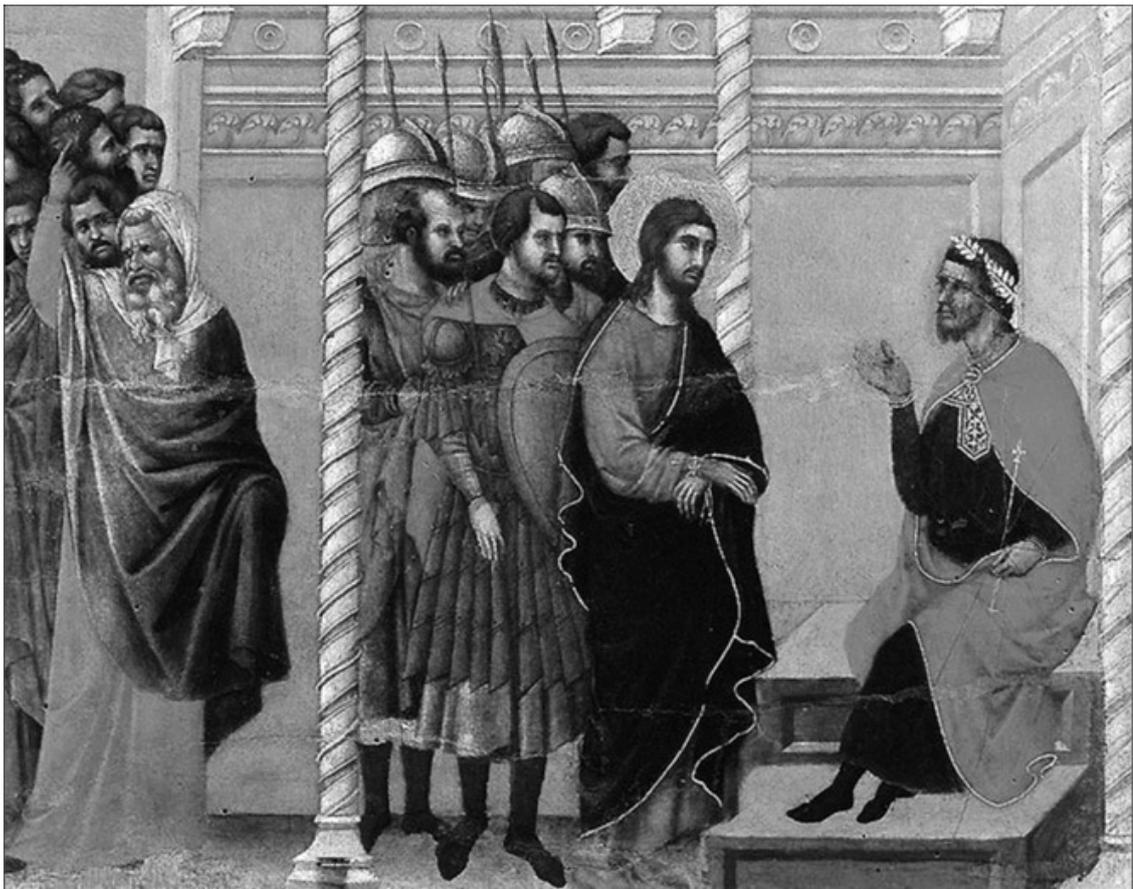
«Никто не может избежать смерти», – утверждал Цицерон. Не избежал ее и он. После убийства Юлия Цезаря полководцы Марк Антоний, Эмилий Лепид и племянник убитого Октавиан заключили в 43 г. до н. э. соглашение – второй триумвират. Под лозунгом «восстановления порядка» были составлены проскрипционные списки, в которые попали 300 сенаторов и более 2000 всадников. Среди осужденных на смерть оказался и Цицерон. Честнейший человек, патриот Рима, великий оратор, составивший более 110 блистательных речей и написавший немало философских и религиозных трактатов, а также сочинений по ораторскому искусству, скрупулезный законник, но личный враг Антония, он оказался вне закона и вынужден был бежать из Рима. «По дороге его настигла шайка убийц. Едва он высунул голову из носилок, как бывший военный трибун Попилий Ленас, которого Цицерон когда-то защищал в суде, нанес ему три удара мечом по шее. Попилий отнес голову Цицерона к Антонию и получил за нее в десять раз больше назначенной цены (т. е. «заработал» 250 тыс. динариев). Мстительная жена Антония, Фульвия, проколола булавками язык, который, вероятно, не щадил и ее. Затем Антоний приказал выставить голову и правую руку Цицерона перед ораторской кафедрой, украшением которой так часто был погибший» (Д. Мамичев).

После того как Веррес удалился в добровольное изгнание, он исчез с политической карты Рима. Но 27 лет спустя после своего «дела» триумвир Марк Антоний внес его имя в проскрипционные списки. Бывший проконсул был казнен в те же дни, что и Цицерон.

«Распни! Распни его!»

Трибунал над Мессией – Христом оказал беспрецедентное влияние на ход мирового развития и фактически дал начало новой эры. Это самое несправедливое судилище в истории ответило на три вечных вопроса: «А судьи кто?» (власть), «Кто мы?» (народ), ответы на которые, увы, не украсили ни тех, ни этих; и «Что есть истина?» (Сам Иисус Христос).

После того как Иисус из Назарета Галилейского в 30 лет получил законное право проповедовать, Он провозгласил Себя Сыном Божиим и три с половиной года наставлял на путь истинный жителей Сирии (римской провинции, включавшей Галилею, Иудею, Самарию, Идумею и Перею) и являл много чудес – от превращения воды в вино до воскрешения мертвых. Свидетели и участники Его чудес, многие иудеи готовы были признать Пророка своим царем. Первосвященники же и начальники народа, терзаемые завистью к Мессии и смятением пред своим будущим, всячески искали Его погибели. Их ненависть к Божественному Проповеднику усугублялась обличительными речами Иисуса Христа против различных партий и групп иудейской элиты. Своими провокациями, незаконными по своей сути, без труда разоблаченными Христом, фарисеи, саддукеи, иродиане, левиты и др. лишь подливали масла в огонь веры людей в Божественную суть Иисуса.

Христос перед Пилатом. Художник Дуччо ди Буонисенья. Начало XIV в.

Накануне Пасхи 30 г. Сын Человеческий под крики «Осанна!» восторженно встречавшей Его толпы въехал на осленке в многонаселенный Иерусалим, в который на праздник собралось множество приезжих иудеев. Выгнав из храма Божьего всех продающих и покупающих в храме, и опрокинув столы меновщиков и скамьи продающих голубей, Христос стал пропове-

довать не земное царство, а Царство Божие и повел речь не о делах гражданских, а о духовном возрождении. Этим Иисус весьма разочаровал своих недавних поклонников, рассчитывавших сразу получить от Царя рай земной и освобождение от ига римлян. «Народ, не увидевший земной, царской силы Христа, к этому времени уже отвернулся от Него», чем не преминули тут же воспользоваться его враги.

Ученик Христа, Иуда Искариот, за 30 сребреников предал Учителя в руки синедриона (коллегиальный судебный орган священников, старейшин, законников и книжников), арестовавшего Его в ночь с пятницы на субботу, 14 нисана (по еврейскому календарю), «как злодея», без судебного постановления и даже без возбуждения дела.

С этого момента начались вопиющие нарушения судебного процесса, коих специалисты по еврейскому и римскому праву насчитывают до 27, попрание как форм и правил еврейского закона, так и основных начал правосудия.

Одно из самых древних, иудейское законодательство было направлено на поддержание установленного Богом порядка бытия. Столетиями в еврейском обществе закреплялись основные принципы судопроизводства: «точность в обвинении, гласность в разбирательстве, полная свобода для подсудимого в самозащите, детальное исследование свидетельских показаний, обеспечение безопасности свидетелям и главное – милости... к оступившемуся».

Вершивший суд синедрион состоял из 71 члена, возглавлялся первосвященником, назначаемым ежегодно римским наместником – прокуратором. В 30 г. прокуратором был Понтий Пилат, а первосвященником Иосиф Каиафа, хотя все нити управления судопроизводством в Иудее держал в руках тесть Иосифа – Анна, до того много лет занимавший этот пост. Смертный приговор синедрион выносил редко, но и этого права он был формально лишен Римом в первое десятилетие н. э.: такой приговор надо было утвердить у прокуратора.

Все нарушения судопроизводства в суде над Иисусом Христом описаны в Евангелии, Толковании на Евангелие блаженного Феофилакта Болгарского, работах архиепископа Иннокентия Херсонского (Борисова), богословов и юристов А. Лопухина, А. Гумерова, Ф. Куприянова, В. Звягинцева, В. Илларионова и др.

Смертный приговор Иисусу Назарею вынес Каиафа на Совете за несколько недель до суда после воскрешения Христом умершего «четырёхдневного» Лазаря: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб от Его учения!» Но и до этого было предпринято несколько тщетных попыток побить Проповедника камнями или сбросить в пропасть.

Синедрион постоянно провоцировал Христа. К Нему подсылались крючкотворы с софистическими вопросами, любые ответы на которые можно было бы вменить Ему в вину. Как-то Иисуса спросили, «позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» Ответ Христос «да» – Его обвинили бы лжемессией, продавшимся римлянам, скажи «нет» – поставили в вину неподчинение кесарю. Но Иисус, указывая на кесарево изображение и надпись на динарии, сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

После ареста в Гефсиманском саду Христа сразу же повели на первый суд к Анне, не имевшему никаких прав для проведения собственного, к тому же без судейского кворума, суда. Законодательство разрешало вести уголовный суд только днем, однако он был проведен ночью, и при этом Христу не предоставили законного права вызвать свидетелей защиты.

Начал заседание Анна не с чтения статей судебного дела и допроса свидетелей-обвинителей, предупредив их об ответственности за дачу ложных показаний, а с допроса Христа, потребовав рассказать о Его учениках и о Его учении. Очевидно, из Его ответов он и думал выудить основание для обвинения Иисуса в руководстве тайной общиной. Христос призвал судью допросить свидетелей, но вместо этого один из слуг Анны ударил Его по лицу со словами: «Ты как отвечаешь судье?»

Продолжением первого суда стал такой же незаконный суд в доме Каиафы, проведенный той же ночью при полном отсутствии состязательности сторон – доносчиков и обвиняемого. «Более того, в Иудее практиковалась замечательная процессуальная особенность: члены синедриона разделялись председательствующим на две группы судей, одна из которых поддерживает обвинение, другая – защиту!» Здесь же все члены синедриона встали на сторону обвинения, единогласно обвинив Узника. Потенциальных сторонников Христа – Иосифа Аримафейского, Никодима, Гамалиила на Совете не было. «По закону иудеев, если смертный приговор принимался единогласно, то его не приводили в исполнение. Считалось, что единогласие свидетельствовало о том, что исследование обстоятельств проводилось поверхностно, а судьи не искали оправдательных доводов». В данном случае синедрион это проигнорировал.

Не имея основания для провозглашения смертного приговора, Каиафа стал спешно подыскивать (!) и допрашивать лжесвидетелей, не имевших ни одного показания, которое можно было принять как правдивое. В еврейском уголовном судопроизводстве «малейшее разногласие в свидетельских показаниях признавалось уничтожающим их силу». «Видя незаконный суд их, Христос молчал, ибо тех, коих не убеждали знамения, как убедили бы оправдания?»

К концу заседания судебный процесс зашел в тупик: надо было его немедленно прервать, а обвиняемого отпустить. И тогда Каиафа незаконно прибег к клятве: «сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои (по Талмуду, первосвященникам это было запрещено делать Самим Господом. – *В.Л.*) и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти».

Обвинение было основано исключительно на словах самого обвиняемого, без привлечения иных доказательств и допроса свидетелей, подтверждающих слова Христа, т. е. подтверждения Иисусом Его мессианских прав.

Получив под клятвой ответ Иисуса, судья нарушил закон, т. к. поставил обвиняемого в безвыходное положение – «признаться в преступлении, либо совершить еще одно – клятвopеступление», проигнорировав право узника по своему выбору отвечать или не отвечать на вопросы.

По закону «любой смертный приговор должен был быть утвержден еще раз не ранее, чем на следующий день после вынесения», причем с повторением всех судебных процедур предыдущего заседания. «Если суд не мог сразу оправдать подсудимого, то был обязан отсрочить, по крайней мере, на 24 часа, заседание для произнесения окончательного приговора. Окончательное заседание не могло также происходить в субботу».

Поскольку на следующий день была как раз суббота, а далее Пасха, повторное заседание (третий суд) без должного кворума было наспех проведено ранним утром, и на нем лишь огласили приговор.

Обвинительный приговор можно было пересмотреть и отменить при кассации, однако Иисусу Христу такая возможность предоставлена не была. Он начисто был лишен права на защиту.

Для утверждения смертного приговора члены синедриона направились к прокуратору, ведя с собой связанного и избитого слугами Христа.

По случаю празднования Пасхи и для наблюдения за порядком Пилат приехал из своей Кесарийской резиденции в Иерусалим. Делая уступку иудейским обычаям, Понтий сам вышел на лифастратон (открытое возвышенное место перед жилищем прокуратора) и спросил у иудеев, в чем они обвиняют своего узника. Члены синедриона, рассчитывавшие на то, что Пилат автоматически утвердит смертный приговор и не потребует нового разбирательства,

не открыли Пилату своего приговора, а выдвинули против Христа обвинение политического характера – в возмущении народа, отказе давать подать кесарю и назывании Себя Христом Царем. При этом они надеялись придать Христа позорной смерти на кресте, которую могли совершать только римляне со своими рабами. «Евреи же считали, что человек, умерший на кресте, больше не принадлежал еврейскому народу». Клеветников не остановил страх перед лжесвидетельством, поскольку «согласно закону, лжесвидетель подвергался тому наказанию, которое ожидало оговариваемого им подсудимого».

К тому же фарисеи расчетливо надеялись отвести от себя и «с возможно малой затратой лжи обратиться на иноземную власть ту ненависть, которую должна была возбудить в народе смертная казнь пророка».

Пилат тут же «должен бы был потребовать показаний: не собирал ли Христос около Себя воинов, не заготавливал ли оружия», но он почему-то не затребовал этого. Допросив Иисуса наедине, прокуратор убедился, что Тот не политический заговорщик и не представляет никакой опасности для Рима. Еврейским судьям Пилат заявил, что не находит никакой вины в этом человеке. Но те настаивали, говоря, что «Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места. Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве Он Галилеянин? И, узнав, что Он из области Иродовой, послал Его к Ироду, который в эти дни был также в Иерусалиме». Четвертый суд закончился без приговора.

Жадный до зрелищ, Ирод Антипа потребовал от Иисуса какого-нибудь чуда, но Спаситель проигнорировал его интерес. «Тогда Ирод со своими воинами, уничтожив Иисуса и насмеявшись над ним, одел его в светлую одежду – знак невинности, и отослал обратно к Пилату». Пятый суд над Христом проще назвать пародией на суд.

К тому времени у претории собралась толпа, подогретая начальниками и старейшинами иудейскими. Пилат, увидев, что Ирод тоже не нашел ничего преступного в Иисусе и лишь посмеялся над ним, решил воспользоваться еврейским обычаем, по которому к празднику освобождали одного из заключенных, и отпустить на свободу Христа. Прокуратор полагал, что народ вопреки лицемерным завистливым священникам и старейшинам потребует освобождения Мессии. Но собравшиеся неожиданно для Пилата стали кричать: «Смерть ему! Отпусти нам Варавву!» (Варавва же был осужден на смерть за участие в бунте и убийство).

Тогда Пилат приказал воинам бичевать Иисуса, думая, что вид истерзанного узника умягчит кровожадность толпы. Увы, «народ», увидев полуживого после страшной экзекуции (98 ударов бича) Христа, ожесточился еще более и стал требовать: «Распни! Распни Его! Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим!»

Судя по его реакции, Пилату стало явно не по себе – он уже убедился, что Христос если не полубог (по языческим меркам), так точно праведник. Он предпринял несколько попыток освободить Христа не столько в пику лицемерному синедриону, сколько из-за сочувствия к Иисусу, но проявил в этом слабость и непоследовательность. Будь наместник жестче и между своим благополучием и истиной выбери Истину, Христа, возможно, удалось бы спасти, хотя здесь мы уже вторгаемся в промысл Божий.

Прокуратор вошел с Иисусом в преторию и спросил Его: «Откуда Ты?» Но Спаситель не дал ему ответа. Пилат был удивлен этим молчанием. «Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять тебя или отпустить тебя?» Тогда Христос «утешил» его: «Ты не имел бы надо мной никакой власти, если бы не было дано тебе свыше».

После этого ответа Пилат желал еще более освободить Иисуса Христа. Трижды вопрошал он толпу: «Какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем» и трижды слышал в ответ: «Распни Его!».

Первосвященники, видя расположение Пилата, пригрозили ему: «Если ты отпустишь Его, ты не друг кесарю. Всякий, делающий себя царем – противник кесарю». Поскольку прокуратору было что скрывать от императора, он испугался доноса не на шутку.

Увидев, что толпа на грани взрыва, Пилат приказал принести воды, умыл свои руки перед народом и сказал: «Неповинен я в крови праведника сего!», на что толпа истоиво возопила: «Кровь его на нас и на детях наших!»

Тогда Пилат отпустил им разбойника Варавву, а Иисуса Христа предал на распятие. Так закончился шестой суд над Мессией. По римским законам, Пилат не должен был наказывать Христа еще раз после бичевания, но прокуратор смалодушничал.

На Лобном месте, по-еврейски Голгофа, распяли Иисуса, а по сторонам его двух разбойников, причтя тем самым и Христа «к злодеям».

«Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский. Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города, и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски. Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал».

«Начиная с той ночи 14 нисана в Иерусалиме, когда при участии тысяч людей совершился суд над Иисусом Христом, и до наших дней происходит одно и то же: люди, избирающие грех, ожесточаются и распинают Бога» (Афанасий Гумеров, иеромонах Иов).

«Пилат отправил впоследствии к Тиверию (императору Тиберию. – *В.Л.*) донесение, в котором описал жизнь Иисуса Христа, Его чудеса и святость, свой суд над Ним и причины, побудившие осудить Его на распятие... Тиверий... так был поражен описанием чудес и святости Иисуса Христа, что предложил сенату включить Его в число римских богов; но сенат, неизвестно по каким причинам, на это не согласился, и Тиверий ограничился тем, что под страхом казни запретил преследование христиан» (святитель Иннокентий Херсонский).

Средние века

Трупный синод

Казалось бы, нет ничего реальнее судебного процесса. Одни люди тягнутся с другими, а третьи их обвиняют, защищают и судят. Все, как говорится, вживую. Трупы фигурируют в суде разве что в качестве улики. Однако же случается, что и над останками производят суд и выносят свой вердикт, казалось бы, вполне нормальные люди. О таком самом громком церковном трибунале над эксгумированным трупом папы Формоза можно найти сведения в Католической энциклопедии и ряде других книг. Это событие осталось в истории церкви и в истории судебного права под названием «Трупный синод» (лат. *synodus horrenda* – жуткий синод). Судилище, состоявшееся в январе 897 г. в Латеране (папский дворец в Риме, до авиньонского пленения служивший резиденцией пап), по признанию самой католической церкви – «одно из самых неоднозначных в истории папства, вызвало раскол в церкви и дестабилизировало римский понтификат на рубеже IX и X столетий».

Богатая история Рима (а вместе с ним и Италии), его процветание и упадок были следствием нескончаемой борьбы партий, кланов, группировок. В конце IX в. здесь схлестнулись представитель итальянских сеньоров Сполето король Италии (891–898) Ламберт Сполетский и представитель немецкой линии династии Каролингов король Восточно-Франкского королевства (887–899) Арнульф Каринтийский. Нюанс их отношений состоял в том, что в 896–898 гг. они оба оказались коронованы императорами Запада (Римской империи) одним и тем же римским папой Формозом.

Не надо забывать, что в то время на территории Италии шла борьба не только между монархами, но и борьба каждого из них с римским папой, не чуждым притязаний на верховную власть как в отдельных княжествах, так и в Римской империи. Часто от позиции папы зависел исход борьбы противоборствующих сторон. Но еще в большей степени судьба папского престола была в руках претендентов на императорскую корону. Это объяснялось сильной экономической (да и политической) зависимостью постоянно меняющихся понтификов от чехарды властителей, в результате чего папство впало в глубочайший нравственный кризис, охвативший два постыдных периода: Трупного синода (897–904) и порнокрапии, правления блудниц (904–963).

Трупный синод. Гравюра по картине Жана-Поля Лорана. 1870 г.

Церковный иерарх Формоз (816–896) возглавлял в Риме пронемецкую партию, вознамерившуюся поставить императором немецкого короля. По смерти папы Стефана V Гвидо, герцог Ламберт Сполетский предложил в 891 г. в кандидаты на папский престол своего ставленника Сергия, но был выбран Формоз. Герцог не сдался и в том же году вынудил понтифика короновать его императором Запада. По свидетельствам современников, Формоз, мечтавший избавить папский престол от ига Гвидонидов, до этого не раз разорявших Рим и не однажды отлучавшихся от церкви, «очень искусно держал себя во время неурядиц в Италии, даже притворился покровителем молодого Ламберта». Сам же тем временем тайно уговорил Арнульфа Каринтийского захватить Рим, что король и сделал осенью 895 г.

22 февраля 896 г. Формоз венчал Арнульфа императорской короной и подвиг его на вторжение в Сполетто (вотчину Гвидонидов). В походе монарха разбил паралич, и он вынужден был вернуться в свою резиденцию в Регенсбурге (Бавария), где и умер в конце 899 г. 80-летний понтифик не дождался освобождения Италии от ига Гвидонидов и 4 апреля 896 г. «при непроясненных обстоятельствах» отошел в мир иной.

После двухнедельного понтификата Бонифация VI, скоропостижно умершего якобы от подагры, папский престол занял Стефан VI, отпрыск клана Сполето. Стефан тут же восстановил власть Ламберта над Римом и в угоду ему устроил суд над Формозом, уже как 9 месяцев почившим в бозе.

В январе 897 г. по случаю прибытия в Рим Ламберта понтификом был созван торжественный собор, который и получил название Трупного. Синод заседал в Латеранской базилике.

Труп папы Формоза извлекли из могилы, облачили в папские уборы, посадили на трон – скамью подсудимых, а затем предъявили ему обвинения в узурпации Святого престола. Суд

не был «односторонним» – на все обвинения «отвечал» дьякон, стоявший за тронем и подражавший голосу усопшего.

«Формозу вменялись... вероломство, переход с одной епископской кафедры (Порто) на другую (Рим) в обход установленного Никейским собором запрета, а также совершение им, мирянином, религиозных таинств. Кроме того, Формозу ставилось в вину венчание на царство «незаконнорожденного» Арнульфа при жизни законных императоров Гвидо (отец Ламберта, скончался в 894 г. – *В.Л.*) и Ламберта».

Дело в том, что Никейский собор запрещал епископам переходить с кафедры на кафедру; соответственно, римским епископом не мог быть избран епископ другого города. Формоз же, происходивший из аристократического римского рода, при Николае I Великом, самом значительном понтифике эпохи Каролингов, стал епископом Порто, обширнейшей территории северо-западнее Рима. Из-за конфликта с папой Иоанном VIII был отлучен от церкви по обвинению в попытке свержения понтифика. Реабилитировал «мирянина» папа Марин I.

Объявив избрание Формоза недействительным, судьи аннулировали и все принятые им постановления. С мертвеца сорвали папские одеяния, отрубили три пальца правой руки, которыми папа некогда благословлял паству. Затем труп поволокли по улицам на кладбище, где засыпали в братской могиле для чужеземцев. Вскоре кто-то выбросил останки в Тибр. Скелет выловили через несколько месяцев рыбаки, и «в том же году папа римский Теодор II, владевший папским тронем всего 20 дней, успел с почестями перезахоронить прах Формоза в соборе Св. Петра, аннулировать постановления «Трупного синода» и запретить судебные преследования покойников.

«Во время глумления над трупом Формоза Латеранский храм потрясло землетрясение, что вызвало его частичное обрушение. Это знамение пробудило в римлянах благоговейный ужас и возбудило всеобщее негодование против оскорбителей Формоза... Римская чернь взбунтовалась, папа Стефан был заточен в темницу и там удушен».

Отголоски Трупного синода продолжались еще лет 10, в течение которых в Латеране «царствовали междоусобие, кровопролитие и террор» и сменилось семь пап, поочередно предававших своих предшественников анафеме и не всегда покидавших сию юдоль естественным образом.

Сегодня правление Формоза признано полностью законным.

Казнь юного короля

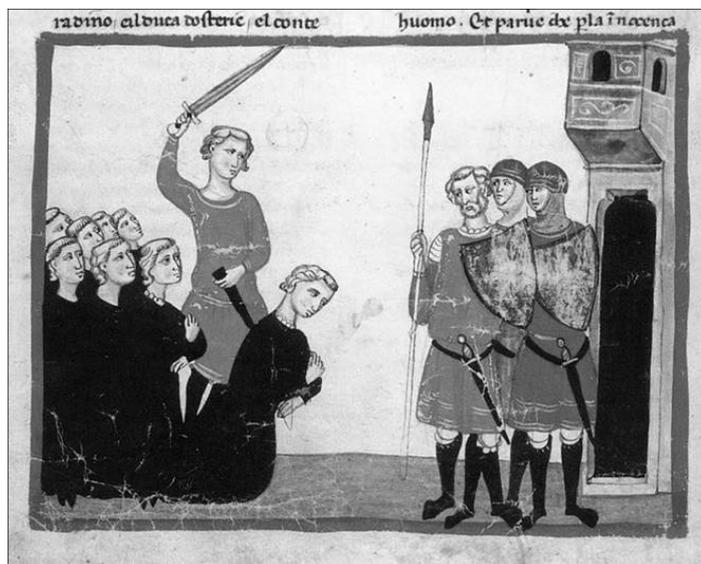
Конрадину Сицилийскому (1252–1268) судьбой предназначалось стать императором Священной Римской империи, но, увы, в 16 лет он принял смерть.

Последний законный отпрыск императорского дома Гогенштауфенов (1138–1254), правнук могущественного государя Фридриха I Барбароссы, внук великого полководца Фридриха II Гогенштауфена, юный Конрад был еще и пятым продолжателем трубадурской традиции династии. Своей невесте 9-летней Софии фон Мейсен певец посвятил стихи: «Чем мне поможет летний зной / И день, что весел безоглядно? / Весь свет мой в женщине одной, / Но дни проходят безотрадно. / Когда же милость мне она / Окажет, как ей подобает, / Жизнь станет радости полна»...

Это стихотворение внесено в Манесский кодекс – незаконченный поэтический сборник 1300 г. как песня «молодого короля Конрада». Конрадин успел еще «мальчиком» (так иногда называли красивого и элегантного титулярного короля Иерусалима и герцога Швабии) оставить яркий след в истории Европы.

Несмотря на юный возраст, Конрадин «по-взрослому» разбирался в чрезвычайно запутанной политической обстановке Европы тех лет. Конечно же, в этом помогали ему дядья и советники в возрасте.

Итальянские гибеллины (защитники императорской власти против папской) в 1267 г. предложили Конрадину вступить в законное владение отцовскими землями в Италии, захваченными после смерти его отца Конрада IV (1254) французским принцем Карлом Анжуйским. Загоревшись мыслью вернуть утерянный имперский трон, претендент собрал в кулак своих сторонников и убедил их на очень рискованное предприятие – идти через Альпы и Италию до Сицилии на узурпатора, за которым было мощное войско французских рыцарей, и на коварного римского папу Климента IV.

Казнь Конрадина в Неаполе на рыночной площади 29 октября 1268 г. Миниатюра XIII в.

Удивительно, что это смог сделать 15-летний отрок, который умел не только властвовать, но и очаровывать своих подданных. Хронисты называли его «львенком», «молодым орлом». И крайне прискорбно, что юношеский максимализм (что бы ему не подождать какое-то время и лучше подготовиться к походу!) привел его к гибели.

Нас в этой истории интересует прежде всего то, что последний из Гогенштауфенов погиб не в бою или от болезни и несчастного случая, а был обезглавлен по приговору суда. Для современников официальная публичная казнь помазанника Божьего была как гром среди ясного неба. Такого еще не случалось в просвещенной Европе. Но надо же было набираться опыта и в царубийстве – и Средневековье успешно справилось с казнью поэта-херувима-короля на механической «Деве» – прообразе гильотины.

Судебный процесс и казнь Конрадина и по сей день считаются величайшим преступлением суда не только перед Богом, но и перед людьми – ведь так был пресечен самый могущественный императорский род в истории средневековой Европы.

Сведений о самом суде сохранилось мало, пожалуй, наиболее подробно они представлены в книге С. Рансимена «Сицилийская Вечерня».

Осенью 1267 г. Конрадин в сопровождении крупных немецких феодалов и своего друга детства австрийского герцога Фридриха I Баденского повел 3000 рыцарей на Италию. Климент IV отлучил претендента на трон от церкви и «объявил анафему любому, кто будет способствовать избранию Конрадина императором, и любому, кто будет сопровождать его в итальянском походе». Позднее свои проклятия он подкрепил буллой. Принц не убоился угроз папы и вскоре приобрел многочисленных приверженцев в Италии.

Выиграв в июле 1268 г. битву против французов в долине Арно, Конрадин вошел в Вечный город. «Въезд Конрадина в Рим 24 июля был встречен проявлениями истеричного энтузиазма. Никогда еще папский город не оказывал такой шумный прием общепризнанному врагу святейшего престола. Толпы встречали его хвалебными гимнами и осыпали его путь цветами. Улицы были украшены шелковыми и атласными полотнищами. Все были в праздничных нарядах. На Марсовом поле были устроены игры и шествия с факелами ночью. К юному королю, с его красотой и обаянием, относились почти как к богу» (С. Рансимен).

Победителю были оказаны императорские почести. Ему оставалось прибрать к рукам южную Италию (там тоже были недовольные политикой Карла) и Сицилию, где вообще разгорелось восстание.

Однако в решающей битве близ замка Тальякоццо (под Римом) 23 августа 3500 закаленных в боях французских рыцарей, во многом благодаря везению, победили смешанное наемное пятитысячное войско Конрадина.

Юноша смог скрыться, но вскоре был выдан Карлу сеньором небольшого морского порта Астуру. Конрадина вместе с Фридрихом Баденским и другими знатными сторонниками доставили в Неаполь, где им Климентом и Карлом был уготован суд. Лицемерный папа, потребовавший «поголовного истребления рода Гогенштауфенов» (ему приписывают слова: «Жизнь Конрадина – смерть Карла, жизнь Карла – смерть Конрадина»), после казни Конрадина бил себя в грудь и всячески отрицал соучастие в убийстве.

Карл считал себя (и часто был таковым) приверженцем законности. Для расправы с пленным принцем нужен был закон. На новый закон всегда найдутся старые юристы – получив монарший приказ, они тотчас же подготовили обвинение против Конрадина. Оно было кратким: вторжение в Неаполитанское королевство – это акт разбоя и государственная измена. Таким же кратким был судебный процесс, вынесший приговор Конрадину, Фридриху Баденскому и еще 11 «конрадинцам»: виновны и приговариваются к смерти через отсечение головы.

29 октября 1268 г. Конрадин был обезглавлен на эшафоте на рыночной площади Неаполя на глазах у Карла Анжуйского и свиты.

«Перед смертью юный король объявил, что он не предатель, а человек, пришедший взять по праву королевство своих предков. Затем бросил в толпу свои перчатки и, попросив Господа простить ему грехи, положил золотоволосую голову на плаху со словами: “Ах, мама, как сильна будет печаль твоя при таком известии!”... Елизавета Баварская спешила из Германии с большой суммой денег для выкупа, но опоздала» (Е. А. Сизова).

Процесс по делу тамплиеров

Одним из самых громких дел в истории правосудия является судебный процесс по делу тамплиеров (Ордена Храма), проходивший в христианских странах с 1307 по 1314 г. Материалы процесса исчезли вскоре после этих событий и, как предполагают, ныне хранятся в Ватикане. При всей прозрачности главной причины разгрома Ордена – желания обогатиться за его счет, были и другие основания.

Орден Храма был основан в Святой земле в 1118 г. после Первого крестового похода с целью защиты пилигримов в их паломничествах по святым местам на Ближнем Востоке, а также государств, созданных рыцарями в тех краях.

Наделенный римскими папами и европейскими государями значительными церковными и юридическими привилегиями, Орден получил во владение большие земельные угодья, на которых стал строить замки, соборы, церкви, дороги. Самые большие пожертвования тамплиеры получили во Франции, отчего Орден числился французским.

Допрос Жака де Моле. Гравюра XIX в.

В конце XIII в. христиане были изгнаны мусульманами из Сирии и Палестины, и тамплиеры вынуждены были заняться торговлей и ростовщичеством, в чем весьма преуспели. Орден с великим магистром во главе превратился в «государство в других государствах». В числе его должников были все – от крестьян до монархов и понтифика. При этом храмовники прославились и как благотворители.

Французский король Филипп IV Красивый в войнах с Англией, Священной Римской империей, Савойей увеличил французские владения, но при этом расточил королевскую казну и, будучи сам крупным должником Ордена, с тревогой и завистью следил за его успехами в политической и финансовой области. Филипп, как самый могущественный венценосец Европы, заявивший: «Король Франции не признает никого выше себя на земле», сильно опа-

сался возможного объединения Ордена и римского папы Климента V, после чего ему поневоле пришлось бы поделиться с ними властью. И хотя понтифик был французом, ставленником монарха и его должником, Филипп по себе знал – в политике долги чаще всего не возвращают. Король поджидал удобного момента, чтобы пресечь реальную возможность этого объединения и заодно поживиться богатством Ордена. Притязания государя готов был поддержать и церковный клир, недовольный особым статусом Ордена – «подсудность лишь папской курии, изъятие из-под юрисдикции местных феодалов, освобождение от уплаты церковных налогов и др.».

Такой «случай» представился в 1307 г. Его провернул советник короля Гийом де Ногаре. Ногаре подготовил для правителя «случайный» донос о якобы грандиозном заговоре Ордена Храма против всех христианских монархий, его желании установить «мировую державу» под своей эгидой и о поклонении храмовников дьяволу. Филиппу фальшивка пришлась на руку. Одновременно советник распустил об ордене самые грязные слухи. Молва достигла ушей папы, и он отозвал Жака де Моле, магистра ордена, с Кипра в Париж. Тогда же Филипп провел тайные переговоры с Климентом V и настоял на проведении следствия в ордене.

В сентябре 1307 г. на Королевском совете было принято решение об аресте всех тамплиеров, находившихся на территории Франции. Ногаре разослал секретные распоряжения чиновникам на местах о взятии под стражу рыцарей храма, с перечислением их преступлений. После тщательной подготовки операции одновременно, в 6 часов утра 13 октября 1307 г., именем Святой инквизиции были произведены аресты во всех командорствах (так назывались опорные поселения рыцарей, являвшиеся одновременно фермами и постоянными дворами для паломников), уже без санкции понтифика. Были взяты все члены ордена, включая его магистра. В тот же день повсеместно вывесили объявления, в которых Филипп обвинял рыцарей-храмовников в отречении от Иисуса Христа, сатанизме, содомском грехе, идолопоклонстве, совершении черных месс, ереси и пр. Были и обвинения экономического характера – в лихоимстве, уклонении от уплаты налогов, махинациях с недвижимостью, скупке краденого, спекуляциях продуктами в неурожайные годы.

Инквизиторы и королевские слуги немедленно приступили к допросам и изуверским пыткам. На следующий день 136 из 140 тамплиеров, арестованных в Париже, дали признания своей вины, о чем тут же было оповещено население.

Узнав о незаконных арестах храмовников и о беззаконном призыве Филиппа к монархам Европы произвести расследование деятельности ордена, подвластного ему, понтифику, Климент V возмутился и... выпустил буллу с приказом королям арестовать тамплиеров и конфисковать их земли и имущество, чем положил начало судебным процессам против тамплиеров в христианском мире. В Париж папа послал двух кардиналов, Беранжера Фредоля и Этьена де Сюизи, дабы те провели собственное расследование.

Узнав о прибытии папской комиссии, де Моле отказался от своих признаний и призвал к тому же всех членов Ордена. Папские легаты, допросив храмовников, свидетелей, королевских солдат, установили, что «тридцать тамплиеров умерло под пыткой, что все признания были вырваны у обвиняемых жесточайшим насилием и что поведение инквизиторов недостойно духовных лиц». Все это легло в основание доклада понтифику, после чего Климент V в феврале 1308 г. лишил инквизицию полномочий и объявил недействительной всю следственную процедуру против тамплиеров. Забрав дело в свои руки, папа несколько месяцев тормозил следствие, на что король «объявил, что будет содержать пленников, как и прежде, у себя, но от имени папы и за его счет».

В мае Филипп собрал Генеральные штаты – высшее сословно-представительское учреждение Франции, чтобы «заручиться их поддержкой и тем самым нейтрализовать любые возражения папы. Формально спор с Римом велся о том, кому надлежит судить тамплиеров, по существу же – о том, кто унаследует их богатства», хотя де-факто владения арестованных там-

плиеров уже перешли в собственность короля. Заседатели под суровым оком монарха «потребовали, чтобы тамплиеров покарала как можно суровее».

На последовавшей встрече короля и папы в Пуатье, Филипп припугнул понтифика разоблачением пороков и безбожия его предшественника, папы Бонифация VIII, что грозило и самому Клименту V быть объявленным лжепапой. В результате король принудил папу не прерывать дознание. Следствие продолжилось по двум направлениям: папская комиссия расследовала деятельность Ордена, а епископская – деятельность отдельных храмовников. Сам же понтифик, так и не встретившись с сановниками ордена, ограничился посылкой в Париж очередной делегации кардиналов.

Епископальные расследования проводились под контролем епископов, тесно связанных с французским престолом, с применением пыток, вследствие чего тамплиеры, как правило, повторяли свои первоначальные признания. На папской же комиссии храмовники, ведомые двумя священниками – Пьером де Болонья и Рено де Провеном, – убедительно защищали Орден, опровергая одно за другим все обвинения.

Увы, судьба Ордена уже была решена! Филиппу удалось «отдалить папство от Рима, введя его в сферу своего личного влияния», – Климент V в 1309 г. перевел (небескорыстно) свою резиденцию в город Авиньон (юг Франции), поставив себя тем самым в полную зависимость от французского короля и начав «авиньонское пленение пап».

В апреле 1310 г. 600 тамплиеров решили защищать Орден, полностью отрицая истинность вырванных у них инквизиторами в 1307 г. и епископами в 1309 г. признаний. Папа их не защитил, и 54 храмовника обвинили в повторной ереси, предали светскому суду и приговорили к сожжению на костре, что и было сделано в предместье Парижа. После этого тамплиеры уже голову не поднимали и вновь вернулись к своим первоначальным показаниям.

Деятельность трибунала продолжалась два года. Летом 1311 г. папа объединил свидетельские показания, полученные им из разных стран. Признания вины были вырваны у тамплиеров только во Франции, в других странах их вина не была доказана, хотя в Лотарингии, подвластной Филиппу, также пылали костры.

С 16 октября 1311 г. по 11 мая 1312 г. в Вьенне (под Лионом) был собран XV Вселенский собор, на котором папа потребовал роспуска Ордена, члены которого «в высшей степени обесчестили себя».

«Сто сорок епископов... оказались несговорчивыми. Нимало не веря в виновность тамплиеров... отцы собора единогласно постановили: обвиняемые должны явиться и выступать в свою защиту. Однако папа не поддержал этого решения; более того, он приказал схватить тамплиеров, сумевших, несмотря на его запрет, добраться до Вьенны». Церковники громко выражали свое недовольство, но прибытие на собор Филиппа в сопровождении войск, которые не намерены были выслушивать пустые дебаты, решило дело. Папа заставил аудиторию молчать под страхом отлучения от церкви, и 3 апреля 1312 г. Орден тамплиеров (не осужденный!) был распущен буллой римского первосвященника. Все имущество Ордена передавалось госпитальерам. Спустя какое-то время король «изъял у госпитальеров крупную сумму денег в качестве судебной компенсации».

Храмовников осудили на различные сроки тюремного заключения. Руководство ордена предстало перед папским судом 18 марта 1314 г. Их приговорили к пожизненному тюремному заключению. «Великий магистр Жак де Моле и приор Нормандии Жоффруа де Шарнэ громко протестовали, отвергая все обвинения, и утверждали, что их святой Орден по-прежнему чист перед Богом и людьми. Король незамедлительно потребовал их осуждения как впавших в ересь вторично, и в тот же вечер они были сожжены на одном из наносных островков Сены, так называемом Еврейском острове».

Утверждают, что, «охваченный пламенем, де Моле, сколько хватало жизни, яростно кричал о своей невинности, проклинал короля и папу и звал их за собой на Страшный суд:

– Мессеры, не пройдет и года, как я призову вас на Страшный суд!»

И впрямь, «легко можно обмануть церковь, но ни в коем случае нельзя обмануть Бога» (Годфруа Парижский). Через 8 месяцев отменно здоровый Филипп IV Красивый скончался на 47-м году жизни от обширного инсульта. Что же касается Климента V, прославившегося симонией (продажей церковных должностей и духовного сана), а также непотизмом (кумовством), то сей «святокупец» «в ужасных судорогах» попал в восьмой круг ада (по Данте) еще раньше – через месяц после казни де Моле. «Наследство, оставленное Климентом своему преемнику Иоанну XXII (1316–1334), оценивалось в сумму, баснословную для тех времен, двух миллионов золотых гульденов».

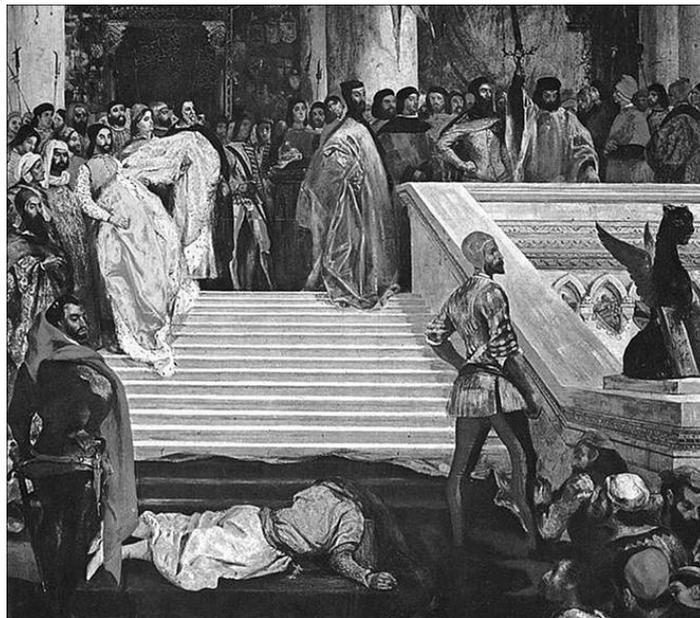
P.S. Существует еще одна версия преследования Ордена, связанная с ересью, согласно которой Мария Магдалина была женой Иисуса Христа и после его казни родила дочь Сару, потомки которой якобы дали Франции династию Меровингов. Филипп IV – выходец из династии Капетингов, в 751 г. низложивших Меровингов, естественно, был озабочен намерением Ордена пропагандировать эту ересь и, как он опасался, использовать ее для его свержения. Понятно, что подобную точку зрения не могла принять и апостольская церковь Рима.

Герцог, потерявший голову и имя

Суд над своим высшим правителем – 55-м венецианским дожем Марино Фальеро (1274–1355) – стал одним из самых ярких эпизодов в истории Венецианской республики. В середине XIV в. это сильное государство на северо-востоке современной Италии со столицей в Венеции и россыпью колоний в Средиземноморье властвовало на суше и на море, имея одного лишь достойного противника – Генуэзскую республику.

Управляли республикой аристократы, в зависимости от своей знатности, состояния и заслуг «расфасованные» по разным кабинетам власти. Большой совет из 1200–1300 представителей финансовой и родовой элиты Венеции формировал Сенат (120 человек), решавший оперативные вопросы внешней и внутренней политики, а также по затейливой 11-этапной процедуре избирал пожизненно главу государства – дожа.

Тяжкое бремя власти дожу помогали нести жестко контролировавшие его решения Совет сорока (верховный суд), коллегия Сената (16 человек), Совет десяти, Малый совет при доже (Совет шести и три члена Совета сорока). Эти органы власти, являвшиеся де-факто руководителями государства, знали о доже всю подноготную благодаря системе наушничества и разведки, четко налаженной не только в Венеции, но и во всей тогдашней ойкумене.

Казнь Марино Фальеро. Художник Э. Делакруа. 1827 г.

Дожу было запрещено вести частную переписку, покидать Венецию, владеть собственностью за рубежом. Он не мог избавиться от «места для прослушивания» даже за своей кроватью! Трон вовсе не гарантировал ему безопасности. До Фальеро из 54 дожей «девять отrekliсь от должности; двое погибли в бою; троих убили; двоих казнили; троих сместили; двоих ослепили, а потом и сместили; двоих сослали, но одного из них перед ссылкой ослепили» (В. Киселев).

80-летнего Фальеро, представителя старинного знатного рода, прославленного военачальника и дипломата, члена Совета десяти, избрали венецианским дожем заочно (он в это время был послом при римском папе Иннокентии VI в Авиньоне) 11 сентября 1354 г. Несмотря на почтенный возраст, он полгода достойно исполнял свои обязанности.

Одни историки уверяют, что дож, противник всевластия олигархической верхушки Венеции, стал готовить государственный переворот с целью узурпации верховной власти и уничтожения неугодных ему аристократов с первых же дней своего правления.

Дожд планировал вместе со своими сообщниками – племянником Бертуччо Фальеро, начальником арсенала Израэлло Бертуччо – собрать ночью 15 апреля 1355 г. единомышленников-аристократов, сотню-другую офицеров и стражников, плебс, распусть слухи о том, что генуэзцы якобы подходят на кораблях к городу, посеять панику, что непременно привело бы к сбору правительства во Дворце дожей. В этот момент участник заговора – звонарь колокольни Сан-Марко ударит в колокол; по этому сигналу восставшие арестуют правительство и Фальеро провозгласит себя перед народом единовластным правителем.

Другие хронисты настаивают на том, что Фальеро пошел на заговор спонтанно после альковной провокации знатного хлыща 23-летнего Микеле Стено (1331–1413). Эта версия легла в основу трагедии Дж. Г. Байрона «Марино Фальеро», повести Э.Т.А. Гофмана «Дожд и догаресса», оперы Г. Доницетти «Марино Фальеро» и др.

Впрочем, существует еще и третья версия, по которой «Фальеро сам стал жертвой заговора венецианских олигархов, бывших противниками его предполагаемого стремления к “демократизации” общественного устройства Венеции путем расширения Большого совета» (С. Блейзисен).

Как бы там ни было, в любом случае поводом к развязке событий послужил именно инцидент со Стено во время костюмированного карнавала, устроенного дожем в своем палаццо. Микеле вызывающе поцеловал жену дожа – 19-летнюю красавицу Анджолину (Аннунциату). По одной из версий, это была вовсе не Анджолина, а придворная дама.

По приказу герцога стража вытолкала наглеца взашей, и тот в отместку проник в «Зал Совета десяти» и на троне нацарапал: «Фальеро содержит красавицу жену, а пользуются ею другие».

Вычислить автора пасквиля не составило труда. Его тут же взяли под стражу и бросили в «свинцовую камеру». Подобное деяние являлось тягчайшим оскорблением верховной власти и могло повлечь за собой смертный приговор. Но поскольку Микеле принадлежал к знатнейшему роду и был одним из трех старшин Совета сорока, этот Совет приговорил его всего лишь к одному или двум месяцам тюремного заключения и изгнанию на год из Венеции.

Приговор привел Фальеро в бешенство, т. к. к оскорблению от нахала добавилось еще унижение от формально подчиненного ему суда. Не исключено, Фальеро страдал и от ухмылок за своей спиной и насмешек.

Однако не стоит сводить решимость Фальеро совершить государственный переворот только к его оскорбленному самолюбию. Скорее всего, дож руководствовался интересами республики, когда хотел освободить ее от большей частью паразитирующей прослойки «управляющих».

Дожд решил воспользоваться случаем. Увы, об этом стало известно тут же. Еще до удара колокола многие участники заговора были схвачены, включая Фальеро, которому предъявили ордер на арест, выданный Советом десяти.

Прежде суда над дожем состоялся суд с применением дыбы над десятью главными сподвижниками Фальеро. Все обвиняемые признались в преступном замысле, после чего их повесили на окна Дворца дожей, предварительно заткнув кляпами рты, дабы они не будоражили чернь крамольными призывами.

Судил синьора Совет десяти (в присутствии нескольких членов Сената) под председательством Бенинтенде 16 апреля. Свидетели, в т. ч. и из числа заговорщиков, дали показания, против которых Фальеро возразить было нечего.

Председатель предложил ему, чтобы избежать пыток, признать свою вину. Фальеро признался в замысле и лишь попросил сохранить для жены и родни его собственность. Однако

дворец, владения Фальеро и все его ценности отошли в казну; Анджелине выдали «на жизнь» 2000 дукатов из капиталов супруга.

В тот же день Бенинтенде объявил приговор, по которому Марино Фальеро был обвинен в предательстве и измене государству и «единодушно присужден на смерть».

Казнь свершилась 18 апреля на верхней площадке лестницы Гигантов (название от двух огромных статуй Марса и Нептуна – покровителей Венеции у подножия лестницы), где дожи приносят присягу, в присутствии членов Совета десяти и наиболее влиятельных патрициев. Ворота были закрыты, чтобы плебс не мог проникнуть к эшафоту. Перед тем как палач отрубил мечом осужденному голову, с Фальеро сняли тиару. Но по закону он перестал быть дожем лишь в тот момент, когда меч коснулся его шеи.

Народу на площади показали окровавленный меч со словами: «Смотрите все! Предателю воздали должное!»

Колоколу вырвали «язык» и веревку, оставив висеть его безмолвным в башне.

По декрету Совета десяти в 1366 г. имя Фальеро было стерто с фриза в зале Большого совета, где выбиты имена всех дожей, его портрет замазан «траурным покровом» и сделана надпись: «*Nic fuit locus ser Marini Faletri, decapitati pro crimine proditiōnis*» («Это было место Марино Фальеро, обезглавленного за предательство»).

После пожара, уничтожившего в 1577 г. галерею дожей, картины восстановили, а на месте портрета Марино Фальеро поместили надпись на черном полотнище: «*Nic est locus Marini Faletri, decapitati pro criminibus*» («Это место Марино Фальеро, обезглавленного за преступление») (С. Блейзисен).

В огне покинувший этот мир

Как-то Яна из Гусинца – будущего проповедника Яна Гуса (1372–1415) – на пути из школы домой застигла гроза. Мальчик спрятался под скалой. Молния ударила рядом с ним в можжевельник, и тот вспыхнул. Мать обнаружила сына созерцающим горящий куст. Ян показал на пламя и пророчески изрек: «Видишь, так и я в огне покину этот мир».

Сторонник чешского движения Реформации, Ян Гус, задавшись целью реформировать католическую церковь изнутри, страстно обличал церковных иерархов во лжи и лицемерии, в алчности и лихоимстве, блуде и стяжательстве, в поддержке войны и симонии (торговле церковными должностями и духовным саном).

Будучи пастором Вифлеемской церкви в Праге, Гус читал проповеди на чешском языке одновременно для нескольких тысяч прихожан. Для неграмотных пражан на стенах церкви он рисовал картины, противопоставлявшие Мессию и папу. Так, например, на одной из них люди целовали ноги папе, восседавшему на троне, а рядом коленопреклоненный Христос мыл ноги своим ученикам. «Яркий контраст этих картин имел ошеломляющий эффект».

Проповеди Гуса были настоящими призывами к революции. «Берегитесь, хищники, обдирающие бедняков, убийцы, злодеи, не признающие ничего святого!» «Собственность должна принадлежать справедливым. Несправедливый богач есть вор». Благочестие же самого проповедника приводило в ярость высшее католическое духовенство.

Четырежды архиепископ Праги и старший кардинал в Италии отлучали Гуса от церкви, и четырежды пастор игнорировал отлучение! Поддерживаемый населением, он продолжал проповедовать, защищать близкое ему учение английского богослова и реформатора Дж. Уиклифа, исполнять обязанности профессора Пражского университета.

В 1412 г. король Чехии Вацлав IV из корыстных целей поддержал продажу индульгенций римским папой Иоанном XXIII, что крайне возмутило Яна Гуса. Он выступил с резким осуждением этого, чем обрел себе порфиноносного врага.

«Почувствовав, что он может лишиться хорошего источника дохода, Вацлав обратил свою ярость на Гуса. В порыве злобы он видел Гуса единственным препятствием на пути к богатству. Король прокричал: “Гус, ты постоянно создаешь мне различные проблемы. Если те, кто этим занимается, не позаботятся о тебе, я сам тебя сожгу”» (Р. Лиардон).

Папу же реформатор и вовсе называл «антихристом, погрязшим во грехе человеком, начальником дьявольской армии, представителем Люцифера, главным викарием сатанинского сборища, простым идиотом, для которого уже заготовлено место в аду, и идолом, который противнее разукрашенного бревна».

Hæc fuit effigies quondam uenerabilis Husi,
Dum sua pro Christo membra cremanda dedit.

Na Obráz Díttra Jana Husy/
mučednyka Božyho.

Ян Гус на костре. Гравюра XVI в.

«Антихрист» инициировал против Гуса судебный процесс. Священнику было приказано явиться в Рим, в противном случае Праге грозил интердикт – отлучение от церкви всего города.

И тогда Гус решительно порвал с папой, публично вверив себя Христу. Чешские дворяне предложили проповеднику убежище в Южной Богемии, и реформатор на 2 года покинул Прагу. В 1413 г. он написал работу «О Церкви», в которой осудил злоупотребления представителей духовенства. Этот труд стал основой для обвинения автора на суде, на который Гус попал интригами Вацлава IV и его сводного брата – императора Священной Римской Империи Сигизмунда I Люксембургского.

Сигизмунд убедил Иоанна созвать очередной Собор, чтобы, в частности, решить вопрос с реформатором Яном Гусом. Собор был назначен на 1414 г. в Констанце (Германия).

Сигизмунд, как король Германии, пригласил Гуса прибыть на Собор, гарантируя ему личную неприкосновенность, – для того, чтобы «очистить свое имя, а также имя всего народа Богемии от постоянных обвинений в ереси» (Богемия входила в состав Германии).

3 ноября 1414 г. Гус прибыл в Констанц и поселился в частном доме. 28 ноября священника пригласили в папскую резиденцию, где тут же и арестовали по личному приказу Иоанна. Через неделю арестанта заточили в подвал доминиканского монастыря. От сырости и холода Гус тяжело заболел и едва не умер. Его перевели в сухую камеру, но продержали в темнице еще несколько месяцев. На допросах от узника требовали ответа – как он относится к учению Уиклифа. (Учение было запрещено Римским собором 1412 г.) Гус дал им письменные ответы. Чаще всего ему задавали вопрос: «Говорили ли вы, что Папа Римский является антихристом?» Гус написал, что «если образ жизни, ведомый Папой, мерзок перед Господом, то да, он является антихристом».

На требование дать ему адвоката реформатор получил отказ. А вскоре Сигизмунд «аннулировал все гарантии личной безопасности, данные всем присутствовавшим в то время в Констанце».

В это время Собор низложил папу Иоанна XXIII. Предъявив ему 54 обвинения, начиная от лжи и воровства до содомии и убийств, Иоанна приговорили к трехлетнему тюремному заключению.

Гус перешел под власть Сигизмунда, и тот приказал надеть на узника кандалы, а на ночь приковывать за руку к стене. Допросы пошли по второму кругу.

Сейм Чехии и Моравии, чешское и польское дворянство, находившееся в Констанце, потребовали от Сигизмунда открытого суда над Гусом. Король вынужден был согласиться.

5 июня измученного узника отдали негодующим судьям. Не давая Гусу сказать ни слова, кроме ответов «да» или «нет», те всласть наорались на него, а затем вернули в камеру. 6 июня Гусу снова задавали провокационные вопросы и не позволили сказать ничего в свою защиту.

От Гуса судьи требовали одного – отречься от своих взглядов. «Я готов отказаться от своих убеждений, – говорил он, – если мне будет доказано, что они не основаны на Священном Писании». Но судьям было не до Священного Писания.

Когда Гуса увели, Сигизмунд стал убеждать судей сжечь Гуса на костре. Слова монарха случайно подслушали несколько чешских дворян, от которых о них вскоре узнала вся Чехия. После этого Сигизмунд до конца своих дней был самым ненавистным врагом чехов, особенно бедноты.

На следующий день Гус подвергся усиленному допросу. Были заслушаны свидетели, которые откровенно возводили напраслину на подсудимого, на что тот сказал: «Это неправда». Суд раскритиковал все работы Гуса, но вердикта так и не вынес.

1 июля узнику вручили услужливо подготовленный текст отречения от своих убеждений, но Гус не принял его и заявил: «Я не отрекусь».

6 июля, в день своего рождения, Гус в последний раз предстал перед судом. Ему предъявили 30 обвинений. И опять ему не дали сказать слова в свою защиту. Один из кардиналов заявил, что «они уже достаточно от него услышали».

По приговору суда Гуса, как неисправимого еретика, лишили священнического сана и передали светским властям для сожжения на костре вместе с его трудами.

Гус встал на колени и громко произнес молитву: «Господь мой, Иисус Христос, я умоляю Тебя, чтобы Ты простил всех моих врагов ради Твоей великой милости».

Семь епископов совершили обряд лишения священнического сана, после чего Гуса передали солдатам, которые отвели его в поле. Там приговоренного ожидал костер бессмертия.

Из пламени до зрителей (собрался весь город) донеслось пение Гуса: «Христос, Сын Бога Живого, смилуйся надо мной»...

Вместе с пастором сгорела Библия, которую он перевел на чешский язык.

По легенде, некая старушка подбросила к ногам привязанного к колу Гуса то ли хворост, то ли полено, на что пастор сказал: «О, святая простота!»

Прах еретика выбросили в Рейн.

P.S.I. 17 декабря 1999 г. папа Иоанн Павел II сказал во время международного симпозиума: «Я испытываю потребность попросить прощения за жестокое убийство Яна Гуса».

P.S.II. «Верный христианин, ищи истину, слушай истину, изучай истину, люби истину, говори истину, придерживайся истины, защищай истину даже перед лицом смерти; ибо истина избавит тебя от греха, дьявола, духовной смерти и, наконец, от вечной смерти» (Ян Гус).

Не вместившийся в этот мир

Крайне скудны сведения о судебном процессе над одним из халифов общины шиитов-мистиков хуруфитов Насими (настоящее имя Сеид Имадеддин, по последним данным – Али; 1370–1417). «Безбожная» община была основана в Иране в конце XIV в. суфием Фазл-Аллахом Астарабази (казнен в 1394 г.). Преследуемые сторонниками традиционного ислама, вероотступники были полностью уничтожены к началу XVI в. Хуруфиты исповедовали учение о том, что в основе мироздания находятся буквы – в том смысле, как в христианстве «в начале было Слово». В частности, 28 букв арабского алфавита означали число всех Божественных воплощений. В толковании Корана – священной книги ислама – хуруфиты шли вразрез господствующей идеологии.

«Хуруфизм был одной из попыток проникновения Ренессанса в исламские страны. Учение это провозглашало человека высшей ценностью на земле, носителем вселенского и божественного начала».

Политической стороной деятельности хуруфитов стала их борьба против насильственного угона из Ирана и Азербайджана завоевателем Тимуром и его военачальниками городских ремесленников, художников, архитекторов, музыкантов в Самарканд. Эта борьба в основном проявлялась в призывах населения к борьбе с захватчиками.

В учении Насими неразрывно переплелись мистическая ипохасть и поэтическая. Их не смогла разорвать даже смерть – в памяти потомков он остался великим азербайджанским тюркским поэтом, творившим на фарси, азербайджанском и арабском языках, и великим мистиком.

О Насими-мистике засвидетельствовала его смерть за хуруфизм. О Насими-поэте лучше всех сказал он сам:

Я – вечность, ей нет и не будет конца,
Я – чудо творенья и сила творца,
Я – кравчий, наполнивший чашу познания,
Я – свет, что пронзит все людские сердца!

А перед своей мученической кончиной халиф, несломленный страданиями, заявил ошеломленным судьям: «Я – истина», «Я – бог». (Изречение суфия из Южной Персии Гусейна Мансура Халладжа, IX в.)

Насими – автор азербайджанского дивана (собрания лирических стихотворений в 15 тыс. строк), персидского дивана (около 5 тыс. строк), первых поэтических шедевров на азербайджанском языке. Поэт считается основоположником азербайджанского литературного языка.

Казнь Насими

На Ближнем Востоке Насими – святой мученик и мыслитель, гордость тюркского мира, «символ мужества, героизма, непоколебимой воли, верности своим убеждениям».

Насими с паломническими целями исходил всю Малую Азию. За пропаганду хуруфизма не раз по много месяцев сидел закованный в темницах. Пламенные стихи поэта знали все от мала до велика, их переписывали, читали и пели на базарных площадях.

В Халебе (Алеппо), крупнейшем городе Сирии, подвластном султану центрального Египетского государства мамлюков Али Муайаду, Насими прожил несколько лет вместе со своей семьей.

Такая яркая личность, проповедовавшая ересь, да к тому же и глубокий поэт не мог остаться незамеченным светскими властями и духовенством. Всякое отступление от веры, как известно, смывается мученичеством. В 1417 г. Насими был арестован – как предполагают, не только за пропаганду ереси, но и за свои «ренессансные» стихи, и за политическую деятельность.

Далее цитируем арабский источник «Кунуз-уз-захаб», в котором можно найти краткие сведения о судебном процессе Насими.

«Вероотступник Али Насими был казнен во времена Йашбека. В то время в “Дар-ульадле” (Дворце правосудия) в присутствии нашего шейха Ибн Хатиба ал-Насири и Наиба (наместника) верховного кадия шейха Иззуддина Шамсуддина Ибн Ами-нудовле, верховного кадия Фатхуддина аль-Малики и верховного кадия Шихабуддина аль-Ханбали рассматривалось дело (об Али аль-Насими).

Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинялись ему. Этот вопрос был поднят перед кадиями и богословами города неким Ибн аль-Шангаш Алханаданом...

Насими произнес “келме-и-шахадет” – поклялся на Коране и отверг то, что говорили о нем. В это время появился шейх Шихабуддин Ибн Хилал. Заняв почетное место в медж-

лисе, он заявил, что Насими – безбожник и должен быть казнен, а раскаяние его должно быть отвергнуто.

Ибн Хилал спросил: “Почему же вы его не казните?” Аль-Малики ответил ему: “Напишешь ли ты приговор собственноручно?” Тот ответил: “Да” и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились. Аль-Малики сказал ему: “Кадии и богословы не соглашаются с тобой. Как я могу казнить его на основе твоих слов?”

Йашбек сказал: “Я его не казню. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождем, что султан прикажет по этому поводу?”

На этом меджлис разошелся. Насими остался в темнице. О деле его было доложено султану Муайяду, от которого пришел приказ содрать с него кожу и в течение семи дней выставить в Халебе на всеобщее обозрение, обрубить ему руки и ноги и отправить Алибеку Ибн Зульгадару, его брату Насируддину и Осману Гарайолуку, которых Насими также сбил с пути. Так и сделали. Этот человек был гяуром и мулхидом (богоотступником). Упаси Боже, говорят, у него есть тонкие стихи».

Существует несколько преданий о смерти Насими, но ими лучше украшать опусы, имеющие отношение к поэзии, нежели к правосудию. Слово «правосудие» уместно здесь только по форме, т. к. по сути его и не могло быть в то время при султанской власти.

В ожидании казни Насими написал «хабсие» – «тюремные» стихи, ставшие венцом его творчества и его жизни.

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я – суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне.
Не спрашивай. Иди за мною. Я в объяснения не вмещусь.

P.S. «С одной стороны, в некотором смысле Насими видится как бы ненормальным, а иногда и сумасшедшим религиозным фанатиком – он будто захвачен средневековой душевной тоской, которую ныне никто больше не в состоянии понять» (М. Р. Хесс).

Именем Бога

Время жизни национальной героини Франции Жанны д'Арк (1412–1431) пришлось на годы Столетней войны между Францией и Англией и феодальной междоусобицы двух групп французских дворян – бургундцев и арманьяков.

В 1420 г. в Труа английский король Генрих V и французская королева Изабелла Баварская подписали договор, по которому Генрих женился на дочери Изабеллы Екатерине и был признан наследником французского престола. Законный же наследник дофин Карл объявлялся незаконнорожденным и лишался права на корону. После смерти в 1422 г. Генриха V трон унаследовал его 9-месячный сын Генрих VI при регентстве его дяди герцога Бедфорде.

Допрос Жанны д'Арк кардиналом Винчестера. Художник П. Деларош. 1824 г.

Не признав договора в Труа, дофин Карл обосновался в Шиноне и продолжил войну с англичанами. И хотя в Северной Франции против оккупантов развернулась народная война, англичане были близки к тому, чтобы в 1429 г. полностью подчинить себе французов. Собственно, им оставалось взять Орлеан.

После многомесячной осады защитники Орлеана готовы были сдать город, но неожиданно им на помощь пришла 17-летняя пастушка Жанна. Ведомая патриотическим чувством

и «голосами» святых – Михаила, Маргариты и Екатерины, девушка уверовала в собственную миссию освободительницы Франции, пришла в резиденцию дофина и добилась аудиенции у Карла. Жанна каким-то образом узнала дофина в толпе царедворцев и, подойдя к нему, произнесла: «Добрый принц, меня зовут Жанна-девственница. Король Небесный послал меня к вам, чтобы сообщить, что вы будете повенчаны на трон в городе Реймсе, и вы будете наместником Небесного Короля, который правит Францией».

Именем Бога она подтвердила дофину его законнорожденность и права на престол, убедила Карла в том, что послана Небом для того, чтобы снять осаду с Орлеана и освободить Францию от захватчиков. Недоверчивый Карл подверг девушку всесторонней проверке. Богослова установили, что «голоса» шли от Бога. Подтверждена также была ее безупречная репутация и девственная чистота. После этого Жанна возглавила десятитысячное войско.

Д'Арк проявила себя в сражениях не только как блестящий главнокомандующий, но и как бесстрашный рыцарь – не раз она в доспехах со знаменем в руках увлекала за собой бойцов на позиции врага; тяжело раненная стрелой в ключицу, не оставила поле боя. Один ее вид воодушевлял воинов, 8 мая 1429 г. снявших осаду Орлеана и затем освободивших ряд городов. Население прозвало Жанну Орлеанской девой, а англичане – «колдуньей». После этого воительница призвала Карла отправиться в Реймс, место коронации французских королей, на миропомазание. Реймс был взят, и 17 июля Жанна со своим штандартом стояла рядом с коленапреклоненным Карлом VII. На вопрос монарха, что она желает в качестве подарка, дева ответила: «Государь, подарите мне Францию».

Менее чем через год д'Арк оказалась ненужной королю Франции. 23 мая 1430 г. под Компьеном она попала в плен к бургундцам – сторонникам Англии. Как предполагают, ее предали приближенные Карла VII. Сам монарх пальцем не пошевелил, чтобы освободить девушку из плена, хотя мог выкупить ее.

Поторговавшись, за 10 тыс. золотых ливров бургундцы продали пленницу англичанам; те перевезли ее в декабре в Руан и устроили судебный процесс. Дабы не придать Жанне ореол мученицы, суд был проведен французскими судьями и на французские деньги, для чего население захваченных территорий обложили дополнительным налогом.

Процесс вел епископ Бове Пьер Кошон, советник при Генрихе VI, надеявшийся получить место архиепископа в Руане. Судья имел зуб на подсудимую – из-за ее ратных побед он лишился дома и имущества.

Судейский корпус представляли видные богословы и законники: судья Ж. Леметр, прокурор Ж. Эстиве, советник по допросу свидетелей Ж. де ла Фонтен, нотариусы Г. Коль и Г. Маншон, судебный пристав Ж. Массье.

Заказчики потребовали (за очень приличное вознаграждение) от судей разоблачения Жанны как святой девы, развенчания ее военных подвигов и вынесения ей смертного приговора. Сверхзадачей суда было признать коронацию Карла VII, проведенную еретичкой и «колдуньей», незаконной.

Кошон должен был безукоризненно провести суд, строжайшим образом соблюдая все формальности, предписанные церковью. Но так не получилось. Процесс сразу же начался с серьезного нарушения. Жанну поместили не в церковную женскую тюрьму, под охрану женщин, как было положено, а в светскую под охрану английских солдат, которые круглые сутки находились с ней в камере. Подсудимой не дали защитника. На просьбу, чтобы в суде приняли участие богословы французского короля или чтобы ее отдали на суд папе, Жанне было отказано. Половину допросов провели в камере узницы, что также противоречило регламенту инквизиционного суда.

Процесс открылся 9 января 1431 г. На 6 публичных заседаниях предварительного следствия присутствовали 45 докторов, бакалавров и лиценциатов теологии, канонического и гражд-

данского права, а также 130 заседателей. Вся эта богословская мощь, направленная против неграмотной крестьянской девушки, оказалась бессильна!

Суд начался с богословских ловушек, но девушка искусно избегала их. Кошон приказал Жанне прочесть «Отче наш» (любая ошибка или запинка могла быть истолкована как признание в «ереси»). «Исповедуйте меня, – ответила она, – и я прочту вам молитву». Кошон оказался в ступоре, т. к. он не мог быть одновременно судьей и исповедником.

На некоторые вопросы не было однозначных ответов – любой ответ мог быть истолкован против подсудимой, но и тут Жанна отвечала так, что приводила судей в ярость, а теологов в изумление.

«Знаете ли вы, что на вас почиет благодать Господня?» (Сказав «да», Жанна призналась бы в грехе гордыни, «нет» – отказалась от своих притязаний на связь с Богом). «Если я вне благодати, пусть Господь пошлет мне ее. А если я пребываю в ней, пусть Он меня в ней хранит».

Еще до процесса Жанна пыталась бежать, выпрыгнув из башни с 18-метровой высоты. Она разбилась, но выжила; суд поставил ей это в вину, как тягчайший грех – попытку самоубийства, на что девушка возразила: «Каждый заключенный имеет право бежать».

Большей частью вопросы касались двух тем – «голосов» и мужской одежды, которую якобы по канонам церкви нельзя было носить женщинам.

Допросы в камере также не дали инквизиторам никаких улик. Когда Кошон пригрозил пленнице пытками, Жанна ответила: «Если вы мне вырвете мои члены и выбьете мою душу из тела, даже тогда я не изменю своих показаний, если же я скажу вам другое, то затем я всегда буду утверждать, что вы силой заставили меня сделать это».

В середине апреля Жанна чудом выжила, съев предложенную Кошоном (версия историков) отравленную рыбу.

Судьям не удалось доказать, что Жанна является ведьмой. Не получилось обвинить ее и в идолопоклонничестве. К концу следствия у инквизиторов осталось две зацепки для обвинения Жанны – мужское платье, которое она никогда не снимала с себя, и «непоколебимая вера в правоту своих идей», из-за которой Жанна пренебрегала авторитетом Церкви. Ей задали вопрос – а как она относится к воинствующей Церкви здесь, на земле? Жанна ответила, что она верит в земную Церковь, но в своих делах и словах полагается только на Бога. Этого судьям хватило, чтобы обвинить д'Арк в раскольничестве и наречь ее отступницей и еретичкой.

На заседаниях 2 и 23 мая Жанне зачитали 12 (из 70) обвинений против нее. «Голоса» святых признали вымыслом либо исходившими от дьявольских духов; мужскую одежду Жанны – нарушением божественного закона; прыжок с башни – проявлением отчаяния, ведущим к суициду. И т. д.

Т.к. все уговоры Кошона признать себя виновной, раскаяться и отречься от своих преступных заблуждений Жанна отвергла, трибунал постановил отлучить ее от Церкви и сжечь.

24 мая состоялось аутодафе в присутствии высокопоставленных представителей церковных властей и высших английских чинов. Перед угрозой Кошона сжечь ее (костер уже был приготовлен) Жанна внезапно заявила, что готова отречься, если ее переведут в церковную тюрьму. Инквизитор пообещал выполнить просьбу и зачитал ей формулу отречения, включавшую обещание переодеться в женскую одежду. Для подписи (Жанна поставила крест) епископ подсунил другой листок с развернутым текстом отречения, после чего зачитал д'Арк новый приговор, по которому ее приговорили к пожизненному заключению в тюрьме на хлебе и воде.

В церковную тюрьму узницу не перевели, а возвратили англичанам. Через пару дней Кошон застал Жанну в мужском костюме, в который она облачилась то ли от приставания солдат, то ли от решимости покончить со своей минутной слабостью на аутодафе. Говорят еще, что женское платье у нее отобрали стражники.

Судьи воспользовались этим, отлучили «злостную еретичку» от Церкви и передали светскому правосудию.

Казнь Жанны состоялась 30 мая на площади Старого рынка в присутствии судей.

Пепел мученицы рассеяли над Сеной.

Говорят, Жанна крикнула Кошону: «Епископ, я умираю из-за вас. Я вызываю вас на Божий суд!» И вроде как 60-летний Кошон рыдал, глядя на костер. От раскаяния ли? От радости, что обретет наконец архиепископство? Как знать. Впрочем, архиепископом Руанским он так и не стал...

Итоги процесса были пересмотрены на реабилитационном процессе 1455–1456 гг., и в июле 1456 г. приговор по делу Жанны д'Арк был торжественно отменен папой Каликстом III.

В 1909 г. папа Пий X провозгласил Жанну блаженной, а в 1920 г. папа Бенедикт XV канонизировал ее.

«Входа нет до смерти в рай»

Истинное жизнеописание Франсуа Вийона (1431 или 1432 – после 1463 до 1489) вряд ли когда будет написано. Два лика Вийона – «самого французского поэта Франции» и вора-рецидивиста – это две стороны утраченной медали. От поэта остались гениальные баллады и «веселые» стихи, не поддающиеся дешифровке, поскольку написаны на блатном жаргоне – т. н. языке «кокийяров»; от преступника – прозаические документы судов.

По судебным протоколам можно восстановить жизнь Вийона, подкрепив, и то весьма ненадежно, отдельные факты биографии строчками его же баллад. Даже специалистам трудно разобраться, что в стихах его правда, а что вымысел, где ирония, а где издевка надо всем сущим.

Судебные документы внушают большее доверие, т. к. гражданское и уголовное право во времена Карла VII (1422–1461) и Людовика XI (1461–1483) «было на вполне достойном бюрократическом уровне» (Е. В. Витковский). В них поэт проходил и как Вийон (это имя досталось ему от усыновившего его родственника капеллана Гийома де Вийона, настоятеля церкви Св. Бенедикта), и как де Лож и Монкорбье (имя по рождению).

Наряду с правосудием гражданских судов, у которых базовым приговором была смертная казнь, существовал еще королевский суд, когда монарх использовал свою прерогативу – прощать преступника. «Помилование ликвидировало не только наказание, но и состав преступления... Помилование еще до процесса позволяло виновнику, который считал необходимым скрыться, возвратиться к нормальной жизни, что в конечном счете оказывалось выгодно и обществу» (Ж. Фавье).

Франсуа Вийон и иллюстрация к его «Балладе о повешенных»

Вереница уголовных дел, тянущаяся из туманной юности Вийона, теряется в таком же туманном закате его жизни. Не исключено, что окончил свои дни Франсуа в застенках или в подворотне, а может даже, и на виселице. Нам же расплывчатость границ жизни Вийона и отсутствие иных свидетельств дает право свести все суды над ним, во многом связанные друг с другом, в один процесс длиной в 8 лет – от 1455 до начала 1463 г.

На этом кратком пути Вийону больше везло, чем не везло, т. к. ему удавалось вовремя скрыться от правосудия либо счастливым случаем избежать казни. Главная особенность почти всех процессов Вийона заключалась в том, что арестанта спасала от виселицы монаршая милость.

Первым делом Вийона стало убийство священника Филиппа Сермуаза 5 июня 1455 г. В этот день праздника Тела Господня Вийон сидел на пороге своего дома и мирно беседовал со священником Жюлем и девушкой Изабеллой. К ним присоединились еще два знакомца – Сермуаз и магистр Жан ле Марди. Вспыхнула ссора, и Сермуаз, видимо приревновав девушку к Франсуа, несколько раз ударил Вийона кулаком в лицо, разбив ему нос и губу. Поэт выхватил кинжал, пырнул ревнивца в живот, после чего убежал. Свидетелей рядом уже не было – все разбежались. Клирик было погнался за ним, но тут же упал без чувств. Через день Сермуаз отдал Богу душу. Перед смертью он простил Франсуа и просил не карать его, ибо сам был зачинщиком ссоры.

По тогдашним законам случайное убийство при самозащите не всегда каралось тюремным заключением, но уж коли преступник попадал под горячую руку правосудия, смерти было не избежать. Дабы спастись от этого, Вийон написал два прошения о помиловании в королевский суд и благоразумно скрылся из Парижа. По одной из версий, в провинции Франсуа спасся от голода, примкнув к воровской шайке.

Через полгода король Карл VII помиловал поэта – не без ходатайства друзей и сановных почитателей его таланта. Однако при этом «никто не мог бы сказать, во что обошлось заступничество, обелившее убийцу Сермуаза, но одно можно сказать с определенностью: в текстах помилования невозможно обнаружить ни следов денег, ни следов чьего-либо влияния».

Удачно ускользнув от виселицы, Франсуа вернулся в Париж, но не одумался и ударился во все тяжкие. Загулы в тавернах и борделях свели его со столичными грабителями.

В ночь на Рождество 1456 г. Франсуа с четырьмя подельниками ограбил ризницу теологического факультета Наваррского коллежа на 500 золотых экю. Тогда же поэт написал и свою первую крупную балладу – «Лэ, или Малое завещание», в которой он назвал главных участников уголовного процесса по этому делу – Жака Мотена и Пьера Базанье, следователей королевского суда, Фурнье – прокурора Парижского парламента и др.

В коллеже заметили пропажу и через полгода установили имена преступников. Вийон вовремя покинул Париж; правда, на сей раз провел в бегах 5 лет. Кусок хлеба Франсуа в это время добывал в скитаниях по всей стране, тщетных попытках пристроиться писцом или дворовым поэтом к какому-нибудь феодалу, но большей частью пропадал в бандитских шайках.

Но что поделаешь? Судьбою —
Кто в силах победить ее? —
Был обречен я на иное,
Дурное, грешное житье.
Прости мне воровство мое,
Затем что верно говорится:
«Не может честно жить голье,
Голодному смешно чиниться».

Несколько раз Вийон оказывался в тюрьме, где каждый раз писал очередную балладу. Но как легко попадал Франсуа в застенки, так же легко и выходил из него. (Не считая, понятно, душевных и физических страданий.)

Так, в 1460 г., когда Вийон томился в орлеанской тюрьме в ожидании казни, в город пожаловала трехлетняя Мария, дочь герцога Карла Орлеанского, блестящего поэта, не раз выручавшего Франсуа из беды. В честь первого въезда принцессы в ее наследственные владения всех арестантов (по приказу герцога, разумеется) выпустили на свободу.

На следующий год Вийон оказался в тюрьме городка Мен-сюр-Луар, служившего резиденцией епископа Орлеанского Тибо д'Оссины. По какой-то причине епископ невзлюбил поэта, содержал его в яме на хлебе и воде. И опять Франсуа повезло. 2 октября 1461 г. через город проезжал только что вззошедший на престол Людовик XI Валуа, направлявшийся на свою коронацию. Монарх велел очистить тюрьмы от арестантов, после чего поэт, тяжело больной и без всяких средств к существованию, подался в Париж. Там он в этот период создал свои самые знаменитые вещи – «Эпитафию» и «Большое завещание».

В октябре 1462 г. Вийона поймали на мелкой краже и посадили в тюрьму Шатле. Там открылось, что он разыскивается по делу об ограблении Наваррского коллежа. Благо, университетское начальство согласилось, чтобы поэт за три года возместил коллежу украденную сумму, и 7 ноября Франсуа отпустили.

Прошло полтора месяца, и Вийон вновь оказался замешанным в уличной драке, в которой тяжело пострадал папский нотариус Франсуа Ферребук. Участвовал ли в потасовке Франсуа – не ясно, но после пытки водой, где он оговорил себя, суд послал его на виселицу. Подав прошение, поэт в ожидании казни создал «Балладу повешенных». Вот отрывок из нее:

Вот мы висим печальной чередой,
Над нами воронья глумится стая,
Плоть мертвую на части раздирая,
Рвут бороды, пьют гной из наших глаз...
Не смейтесь, на повешенных взирая,
А помолитесь Господу за нас!

А еще «Катрен»:

Я – Франсуа, чему не рад:
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

Доследование установило невиновность Вийона, и 5 января 1463 г. парижский парламент заменил смертную казнь десятилетним изгнанием из города. Поэт подал в суд прошение (известное по «Балладе суду») с просьбой на три дня отсрочить исполнение приговора. Запись об этой отсрочке фактически стала точкой в известной ныне биографии Вийона.

Остаток жизни Франсуа не поддается реконструкции. Известно лишь, что в 1489 г. вышло первое издание стихов Вийона без авторской правки. Т. е. в один из предшествующих этой дате дней закончились суды над преступником, и началось бессмертие поэта.

Ренессанс

Казнь пророка

Мнения о знаменитом монахе-доминиканце Джироламо Савонароле (1452–1498) диаметрально противоположны. Для одних он символ средневекового мракобесия, для других «колоссальная фигура эпохи Ренессанса» (А. Ф. Лосев). Чтобы увидеть причину столь полярных оценок Савонаролы, можно взять любое его сочинение и самому убедиться, плох автор или хорош. Вот, например, строки 22-летнего Джироламо:

«Беги из этой страны, где порок восхваляется и добродетель подвергается осмеянию, где человек, изучающий искусства и философию, называется мечтателем, где скромно и честно живущий называется безумцем, где к добродетельному человеку и верующему в величие Божие относятся, как к глупцу, где уповающий на Христа становится предметом издевательства, и над тем, кто человеколюбив, все ругаются, как над женщиной! Беги из этой земли, где тот называется благоразумным, кто грабит бедного, вдову и сироту; тот считается мудрым, кто думает только о накоплении богатств; тот благочестивым, кто грабит другого с наибольшим искусством! Нигде ничего не видно, кроме нечестия, ростовщичества, грабежа, грубого богохульства, хищничества, содомства и распутства; зависть и человекоубийство, гордость и честолюбие, лицемерие и ложь, нечестие и беззаконие господствуют повсюду. В этом мире порок есть добродетель, и добродетель – порок». Все это позже Савонарола развил в своих блестящих проповедях, благоговейно встречаемых прихожанами, от князей до плебса.

Казнь Савонаролы на Площади Синьории во Флоренции. Художник Ф. Дольчи. 1498 г. Внизу слева в окружении толпы Савонаролу ведет на казнь офицер

Во Флоренцию Савонарола приехал по приглашению Лоренцо Медичи, главы Флорентийской республики. Флоренция славилась средоточием искусства Возрождения и контрастом между богатством и бедностью. Знати было с кого брать пример – папская курия по уши погрязла в симонии и nepотизме, роскоши и разврате.

Не отставала от Рима и Флоренция. Молодые люди весело проводили время на балах и карнавалах, кто постарше – в чревоугодии и лихоимстве. Школа и церковь держали равнение на античных героев, в коих легко находили оправдание всем порокам, поразившим общество. Истинное христианство мало-помалу предавалось забвению.

Савонарола, в 1491 г. избранный настоятелем монастыря Сан-Марко, клеймил пороки прихожан и властителей, упрекал паству в отступлении от канонов христианской жизни.

Главной в его назиданиях была идея нравственного преобразования общества и обновления церкви. С особой страстью пастырь бичевал ростовщичество.

Тексты его проповедей, сыгравшие немалую роль в подготовке реформации на Западе, были известны всей Европе; их переводили даже турецкому султану. Савонароле верили, как пророку, поскольку все его предсказания сбывались.

Напуганные тем, что «скоро Бог поразит Своим гневом всю Италию», купцы раздавали несправедливо нажитое добро, дамы снимали с себя украшения, аристократы удалялись в монастырь, юнцы шагали не на бал, а на мессу, и т. п.

Слова проповедника не расходились с его делами. В монастыре он ввел обет нищеты и трудовые повинности, распродал монастырское имущество, а деньги раздал бедным. Сам Джироламо жил, как последний бедняк.

После смерти Лоренцо (1492) его преемник Пьеро Медичи предал республику. На территорию Италии вторглись войска французского короля Карла VIII. Народ восстал и смел клан Медичи, восстановив в стране республиканскую конституцию. Правда, к власти пришли другие богатые семейства, но уже в 1494 г. неофициальным главой Флоренции стал Савонарола.

В тот год французы, захватив ряд городов республики, подошли к Флоренции. Для переговоров с французским королем главой посольства избрали Савонаролу. Он отправился к Карлу VIII и убедил его (говорят, устранил Божьей карой) покинуть Италию и вернуть республике завоеванные земли, что король и сделал. На 4 года авторитет доминиканца стал непререкаемым – ему предоставили карт-бланш в проведении любых социальных мероприятий. Занимался этим Савонарола жестко, оправдав свое прозвище «диктатор Флоренции».

Болезни и голод свалились на граждан; денег практически не осталось. Отпала от республики в результате восстания Пиза. Генуя и Лукка захватили Сарацану и Пьетрасанту. Король Германии Максимилиан I осадил Ливорно. Имел виды на Флоренцию и «чудовище разврата» – папа Александр VI, знакомый по доносам с проповедями Савонаролы, в которых тот называл Рим вторым Вавилоном.

За это время Савонарола реализовал собственную программу государственного переустройства и культурных преобразований во Флоренции. Восстановил государственные учреждения; организовал «Великий Совет» и «Совет восьмидесяти»; поземельный налог заменил подоходным. Изгнал ростовщиков, основал государственный заемный банк с фиксированным процентом. Провозгласил Иисуса Христа «синьором Флоренции».

В рамках борьбы за чистоту нравов Савонарола учредил «полицию нравов». Публично сжигал в «кострах тщеславия» изъятые у граждан (или добровольно принесенные ими) книги светского содержания, музыкальные инструменты, духи, игральные кости и карты. Уничтожал он и творения гениев эпохи Возрождения, объявив их плодом греха и разврата. Так под влиянием Савонаролы погибли многие творения Боттичелли – художник сам бросал их в огонь. Похоже, пророк знал то, чего не ведаем мы, – кем вдохновлялись творцы Высокого Возрождения – Богом или сатаной.

Нешадно преследовал Савонарола игроков и развратников, вплоть до того, что «урезал языки» святотатцам и сжигал гомосексуалистов на костре. Жесткость диктатора проистекала из реальной опасности, которая грозила республике извне, а еще больше изнутри. Каждую минуту Джироламо готовы были сместить или убить.

Савонаролу поддерживала беднота («белые»). Против него выступали сторонники Медичи («серые»), приверженцы олигархического правления («беснующиеся») и золотая молодежь («тусующиеся»), предпринявшая ряд неудачных покушений на проповедника.

Избавиться от Савонаролы «беснующимся» помог папа. Какое-то время Александр VI заигрывал с Джироламо, безуспешно зазывая его в Ватикан и предлагая через посредников архиепископство во Флоренции. Когда папа посулил пост кардинала, Савонарола ответил ему:

«Если мне и суждено носить красную кардинальскую шапку, то пусть она обогрится моей собственной кровью».

Тогда было решено обвинить приора монастыря Сан-Марко в ереси. Ересь найти не удалось, но сошла и формулировка «подозрительное учение». Предлогом для отлучения послужило отделение в 1497 г. понтификом монастыря Сан-Марко от провинции доминиканского ордена и подчинение его римской провинции. Савонарола не послушался, и 12 июня папа отлучил его от церкви и потребовал выдачи.

Через неделю Савонарола огласил «Послание против лживо испрошенной буллы об отлучении», где заявил, что «несправедливо отлученный имеет право апеллировать ко Вселенскому собору». Дело Савонаролы обсуждалось всем миром, в его защиту вышла масса брошюр.

Папа дважды присылал во Флоренцию свои «брева» (послания) с требованием выдать Савонаролу папским властям, грозил республике за ослушание, но Флоренция почти год – до весны 1498 г. не спешила выполнить этот приказ. В проповедях же Савонаролы горел еще больший огонь – не иначе от будущего костра.

Проповедник послал Карлу VIII «Письмо к государям» с призывом собрать Вселенский собор для низвержения папы, но послание попало к Александру VI.

Тут же «беснующиеся» и агенты Ватикана стали распускать слухи о том, что праведный проповедник может совершить чудо – пройти сквозь огонь костра и остаться живым. 7 апреля 1498 г. толпа разожгла костер и затребовала от Савонаролы чуда. Савонаролу готов был заметить его сподвижник, но «Божий суд» не состоялся, т. к. по требованию проповедника костер должен был пройти еще и представитель «беснующихся» – монах-францисканец. Таковой рисковать не стал. Толпа, в т. ч. и бывшие сторонники Савонаролы, не вникая в подробности, обвинила пророка в трусости и несправедности его учения. Ничего удивительного в таком поведении адептов нет – достаточно вспомнить кульбит многих приверженцев Иисуса Христа после его ареста.

На другой день разъяренная толпа ворвалась в монастырь Сан-Марко, схватила Савонаролу и бросила его в темницу.

Следственная комиссия состояла из 17 «беснующихся». Сразу же приступили к допросу и пыткам. За несколько недель нечеловеческих истязаний, когда несчастного вздергивали на дыбу чуть ли не каждый час, у него не раз было вырвано признание «лживости обманного учения» и раскаяние в намерении низложить папу. И хотя между пытками Савонарола всякий раз отрекался от своих слов, из них было состряпано нужное Риму донесение.

От папы во Флоренцию для расследования дела Савонаролы пожаловала комиссия – генерал Доминиканского ордена Д. Туриано и главный судья Рима Ф. Ромолино. Ромолино пообещал «беснующимся»: «Мы устроим из него хороший костер». Допросы и пытки продолжались. Продолжались и показания, но содержание их «было таково, что судьи признали необходимым немедленно скрыть написанные им листы, а впоследствии и совершенно их уничтожить». Тем не менее посланцы Александра VI получили все что хотели и вернули проповедника в руки светской власти.

22 мая 1498 г. после церемонии отлучения от церкви «Совет восьми» приговорил Савонаролу к повешению на эшафоте с последующим сожжением.

Казнь состоялась 23 мая 1498 г. при огромном стечении народа. «Когда его подвели к виселице, из толпы раздались крики: “Сотвори же чудо, пророк”»...

Чудо сотворил через 60 лет папа Павел IV, жесточайший фанатик инквизиции, – в честь великого проповедника он сочинил в 1558 г. особую литургию, которая исполнялась в церквях ежегодно в день казни Савонаролы.

Самосуд над государем великой державы

Узнай Александр Македонский о том, что 106 пехотинцев и 62 всадника за 10 тыс. км от родного дома завоевали могущественную державу, имевшую как минимум 1000-кратное превосходство в силах, – сказал бы: ложь. И оказался бы прав, т. к. именно ложь стала основой успеха горстки испанских конкистадоров под командованием маркиза Франсиско Писарро (1471–1541), покорившей империю Инков (Тауантинсуйу). Это было самое большое государство доколумбовой Америки, расположенное на территории нынешнего Перу, площадью 3 млн кв. км (площадь современной Индии). Авантюрист-головорез победил Верховного Инку Атауальпу (1500–1533) коварством. Силой победить индейцев было невозможно – воевать они умели, собственно, этим только и занимались.

Незванным гостям из Европы повезло – они вписались в узкую временную щель, когда в империи инков произошел раскол. Умерший в 1529 г. Верховный Инка Уайна Капака вопреки традиции поделил страну на две части и передал власть не только старшему сыну Инке Уаскару, но и еще своему любимцу, незаконнорожденному сыну, блестящему воину Атауальпе. Тут же между наследниками вспыхнула братоубийственная война, длившаяся 3 года и унесшая 150 тыс. жизней. В 1532 г. Атауальпа победил Уаскара и, взяв его в плен, стал Верховным Инкой раздробленного междоусобицей государства. В это время и высадились на побережье испанцы с лошадьми, незнакомыми инкам, 4 пушками и 12 аркебузами, повергшими индейцев в священный ужас. Захватив городок Тумбес, Писарро установил в нем крест как знак испанской территории, нанял двух переводчиков и, ведомый сторонниками Уаскара, по тайным тропам направился в город Куско, где располагался двор Верховного Инки.

Преодолев за 2 месяца 2000 км, испанцы подошли к высокогорному городу Кахамарка. Как оказалось, там их поджидал Атауальпа во главе 50-тысячной армии, выстроенной в боевом порядке. Монарх был уверен, что испанцы не боги, а простые люди, но не решался напасть на них, считая отряд конкистадоров авангардом большого войска. Писарро отступить было некуда. Для него единственным выходом осталось захватить Верховного Инку в плен и затем диктовать индейцам свои условия.

Испанцев встретил посол от Атауальпы с подарками и сказал, что в их распоряжение отдается город, из которого для спокойствия гостей удалили всех жителей. Писарро в свою очередь заверил посла в своих мирных намерениях.

15 ноября 1532 г. конкистадоры заняли селение. Не дождавшись послов от Атауальпы, Писарро через своих посланцев пригласил Верховного Инку в Кахамарку. Во главе войска правитель направился (его несли на золотых носилках 8 князей) на встречу, но затем, получив от Писарро очередное послание с заверениями в дружбе и проч., оставил вооруженных воинов за стенами города, а сам вошел в Кахамарку в сопровождении свиты, насчитывавшей 7 тыс. безоружных индейцев. Ступив на центральную треугольную площадь, обрамленную зданиями, на которой не оказалось ни одного встречающего, торжественная процессия попала в западню.

будет считать его своим братом. Что касается этого “папы”, о котором мне только что говорили, то он, видимо, сумасшедший, так как раздаривает земли, которые ему не принадлежат. А верую на другую я менять не собираюсь» (О. Липовская).

Монах удалился, и началась резня, «обесчестившая испанское рыцарство в глазах всего мира». Пушки, аркебузы, всадники в латах, стальные мечи свое дело сделали отменно – уже через час на площади осталось до 3 тыс. трупов индейцев. Атауальпу взял в плен сам Писарро. Войско инков в бой не вступило и в дальнейшем также не проявило активности, опасаясь расправы испанцев над вождем. На Атауальпу надели цепи, но больше ничем не сковывали его свободу. За месяц узник настолько хорошо выучил испанский язык, что вел богословские беседы, а научившись играть в шахматы, обыгрывал своих бледнолицых противников.

Видя неумную жажду испанцев к золоту, Атауальпа предложил Писарро за себя выкуп – самый большой за всю историю человечества. Он пообещал заполнить комнату площадью 37 кв. м, где его содержали, золотом до черты, которую он, встав на цыпочки, смог прочертить на стене, а в «довесок» предоставить еще и два раза по столько же серебра. В ответ на такую фантастическую щедрость и Писарро не поспешил на обещания и заверения. Тут же был подписан и нотариально закреплен договор о выкупе самодержца.

Во исполнение своих обязательств перед Писарро, Верховный Инка приказал вождям содействовать испанцам в сборе золота. В Кахамарку потекли золотые и серебряные реки.

Атауальпа провел в заточении 8 месяцев. В это время был убит якобы по его приказу Инка Уаскар. Историки считают, что смерть Уаскара была выгодна только Писарро, поскольку она внесла в ряды индейцев еще больший раскол и позволила испанцам лавировать между ними.

К середине 1533 г. камеру вождя заполнили золотыми изделиями, изъятыми в храмах и у частных лиц. Все эти сокровища переплавили в слитки. «Выкуп за Атауальпу составил 1 326 539 песо золота и 51 610 марок серебра». Пятую часть отправили на четырех кораблях в Севилью для Карла V, а «остатки» поделили между собой. Большая часть досталась Франсиско Писарро и его четырем братьям, но и прочие не остались в накладе, сделавшись по европейским меркам отменными богачами. Богатство никому, правда, не пошло впрок, т. к. одни проиграли его в карты, а другие перерезали друг друга.

Верховный Инка был больше не нужен Писарро, причем не только пленный, но и на свободе. Ведь выпусти его маркиз, справедливое возмездие последовало бы незамедлительно.

Не желая запятнать себя в глазах Карла V несанкционированным убийством монарха, конкистадор организовал над Атауальпой суд, который правильнее назвать судилищем, а еще точнее – расправой. 12 офицеров протестовали против суда и вынесения Атауальпе смертного приговора, считая, что это прерогатива испанского короля, но Писарро был неумолим и организовал, быть может, самую яркую пародию на суд, совершенную по правилам «правосудия» и в рамках христианской добродетели.

Атауальпе, как и при первой встрече, предложили вступить в христианство, но он отказался. Тогда Верховного Инку вывели на центральную площадь и, обвинив его по 12 пунктам – в убийстве Уаскара, незаконном захвате власти, идолопоклонстве, многоженстве, подготовке переворота против испанцев и т. д., приговорили к сожжению на костре. Один из пунктов гласил, что «он неправильно расходовал деньги своей империи»!

Атауальпа умолял палачей заменить эту казнь на любую другую, т. к. по верованиям инков бессмертие можно было обрести только после бальзамирования тела усопшего. Тогда В. Вальверде вновь предложил Верховному Инке принять христианство в обмен на милость – удушение гарротой. «Сын Солнца» согласился, принял крещение и с именем Хуан под пение псалмов 29 августа 1533 г. был удушен как новокрещенный католик. «После казни Вальверде самым достойным образом совершил над мертвым телом Инки предписанное заупо-

койное богослужение». Несмотря на то что Атауальпа просил передать его тело родным в Кито, «одежду и часть тела Атауальпы сожгли».

Испанские власти в Панаме были шокированы самосудом над государем великой державы и дискредитацией самого понятия монарха как помазанника Божьего, не одобрил поступка Писарро и испанский король. Франсиско еще 7 лет пожил припеваючи, пока не погиб от меча такого же, как он, бандита.

Его душа была белее снега

В 1935 г. римский папа Пий XI причислил Томаса Мора за верность католицизму к лику святых. За 400 лет до этого суд обвинил бывшего лорд-канцлера Английского королевства в государственной измене и приговорил к смерти. К славе Мора – «человека на все времена», государственника, философа и писателя, родоначальника философско-литературного направления – утопизма, канонизация добавила еще венец мученика.

Судьбу Т. Мора (1477 или 1478–1535) решили король Генрих VIII, его вторая жена Анна Болейн и свора придворных интриганов, среди которых особо стоит отметить генерального прокурора, главного лжесвидетеля на суде Р. Рича.

Интрига, приведшая гуманиста на эшафот, завязалась в 1529 г., когда монарх, пленившись за несколько лет до этого чарами фрейлины королевы – Анны Болейн, тщетно пытался добиться ее благосклонности. Авантюристка, мечтавшая стать королевой, требовала официальных отношений, а для этого королю надо было развестись с Екатериной Арагонской, на что требовалось разрешение понтифика. К тому же это грозило испортить отношения с Испанией, а с 1530 г. и с новоиспеченным императором Священной Римской империи Карлом V Габсбургом, племянником английской королевы. К тому же папа Климент VII фактически пребывал в плену у Карла.

Лорд-канцлер Англии Т. Уолси не смог (да и не хотел) добиться от папы разрешения на развод и был интригами Анны Болейн отправлен в отставку. На место второго лица в государстве пришел глубоко религиозный Мор, который только осложнил Генриху жизнь – он категорически настаивал на получении монархом разрешения понтифика.

Тем временем Генрих VIII отвернулся от католицизма и взял курс на протестантизм. На это подвигли его политические, династические и прочие интересы и даже игравшие ему на руку притязания Анны Болейн. Реформация церкви позволила королю укрепить свою абсолютную власть, провозгласить себя верховным главой английской церкви и получить огромные богатства, принадлежавшие римскому папе на территории Англии, – монастыри, храмы, земли, церковную утварь, убранство и т. д. 15 мая 1532 г. Генрих VIII объявил себя «верховным главой Англиканской церкви». Теперь ему папа был не указ.

Томас Мор отстаивает свободу Палаты общин. Художник В. Форбс. 1927 г.

На следующий день лорд-канцлер, не одоббивший церковного раскола, сослался на плохое здоровье, вернул королю большую государственную печать и ушел в отставку, чем вызвал большую досаду монарха. Уединившись в Челси, философ предавался там размышлениям и трудам, никак не реагируя на жизнь двора и дела государя.

В 1533 г. Генрих VIII купил у университетов Оксфорда, Кембриджа, Парижа и др. письменные подтверждения «законности» королевского развода и получил от архиепископа Кентерберийского Т. Кранмера (главного реформатора английской церкви) и юриста Т. Кромвеля утвержденное в обеих палатах парламента обоснование своего развода с Екатериной Арагонской ввиду незаконности брака с ней. По сути, король был прав. По настоянию отца Генриха VII он женился на Екатерине после кончины ее первого мужа, наследника английского престола, принца Артура, старшего брата Генриха. «Согласно каноническому праву, жена брата считалась очень близкой родственницей, а потому брак Екатерины и Генриха являлся кровосмесительным и греховным» (В. Н. Еремин). Просто Генрих VIII смог получить от папы Юлия II соответствующее разрешение.

1 июля 1533 г. король женился на Анне Болейн. Званный на коронацию, Мор на торжества не явился, и новая королева стала требовать отмщения. Генрих VIII готов был, но не мог «просто» расправиться с бывшим канцлером, на это ему был нужен закон. Уж чего-чего, а писать законы «под себя» мастера всегда найдутся.

Королевские угодники стали готовить Т. Мора к бесчестию: конфисковали его имение, устроили над ним в 1534 г. «пробный» суд по делу монахини Е. Бартон, предвещавшей гибель королю, если тот женится на Анне Болейн. (Мор состоял с монахиней в переписке.) Но прекрасно образованный в области канонического права и весьма искусный в судебных баталиях бывший канцлер не оставил камня на камне от неуклюжих обвинений. Палата лордов также взяла его под свою защиту.

В конце концов, мстительная Анна добилась своего. 30 марта 1535 г. парламент принял «Акт о супрематии», провозгласивший Генриха VIII верховным главой церкви, и «Акт о престолонаследии» с текстом присяги, которую были обязаны принести все представители английского рыцарства, суть которой состояла в том, что законными признавались лишь дочь Генриха VIII и Анны Болейн Елизавета, и также все будущие их дети, а его дочь Мария (будущая королева Мария I Кровавая) от Екатерины Арагонской лишалась права наследования.

13 апреля Т. Мора привели к этой присяге, но он отказался присягнуть, поскольку акты противоречили его убеждениям. Соглашаясь с новым порядком престолонаследия, Мор категорически возражал против нового устройства церкви. Бывшего канцлера заключили на 4 дня для раздумий и раскаяния в Вестминстерское аббатство, а затем после повторного отказа дать требуемую клятву перевели в Тауэр, где его «пансион» семья оплачивала как гостиницу. Попытки посланцев короля уговорить Мора пойти на попятный или поймать его провокацией в ловушку не увенчались успехом.

12 июня Мора посетил в сопровождении двух лиц (будущих лжесвидетелей) генеральный прокурор Р. Рич, задачей которого было спровоцировать узника к высказываниям, которые на суде можно было бы выдать как изменнические. Провокатору не хватило на это ума, но позже на суде ему хватило наглости, чтобы возвести на Мора поклеп.

1 июля заключенного доставили в Вестминстер на суд, возглавляемый канцлером Т. Одли. Зачитали огромный обвинительный акт, выступил большой коллектив лжесвидетелей и доносчиков. Мора обвинили в переписке с епископом Д. Фишером, также не принявшим присяги и уже казненным по решению суда. В вину поставили его отказ признать короля главой церкви и сопротивление законному браку Генриха с Анной Болейн. Осудили и за его молчание (неодобрение) по важнейшим государственным вопросам.

Мор разбил обвинение в пух и прах. Тогда выступил «ударный» свидетель Рич, который поведал о том, как преступник утверждал, что «парламент не может сделать короля верховным главой церкви».

Этот бездоказательный, с негодованием отвергнутый подсудимым ложный факт стал единственным обоснованием для вынесения присяжными обвинительного вердикта.

Одли стал зачитывать приговор, позабыв предоставить обвиняемому последнее слово, но Мор все-таки добился своего законного права. Правда, слова его уже ничего не значили. Приговор был ужасен: «Ввергнуть его при содействии констебля Уильяма Кингстона в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту».

Монарх проявил «милость» к осужденному: учитывая его прошлые заслуги перед короной и Англией, Мору должны были отсечь голову. При этом ему запрещалось произносить предсмертную речь.

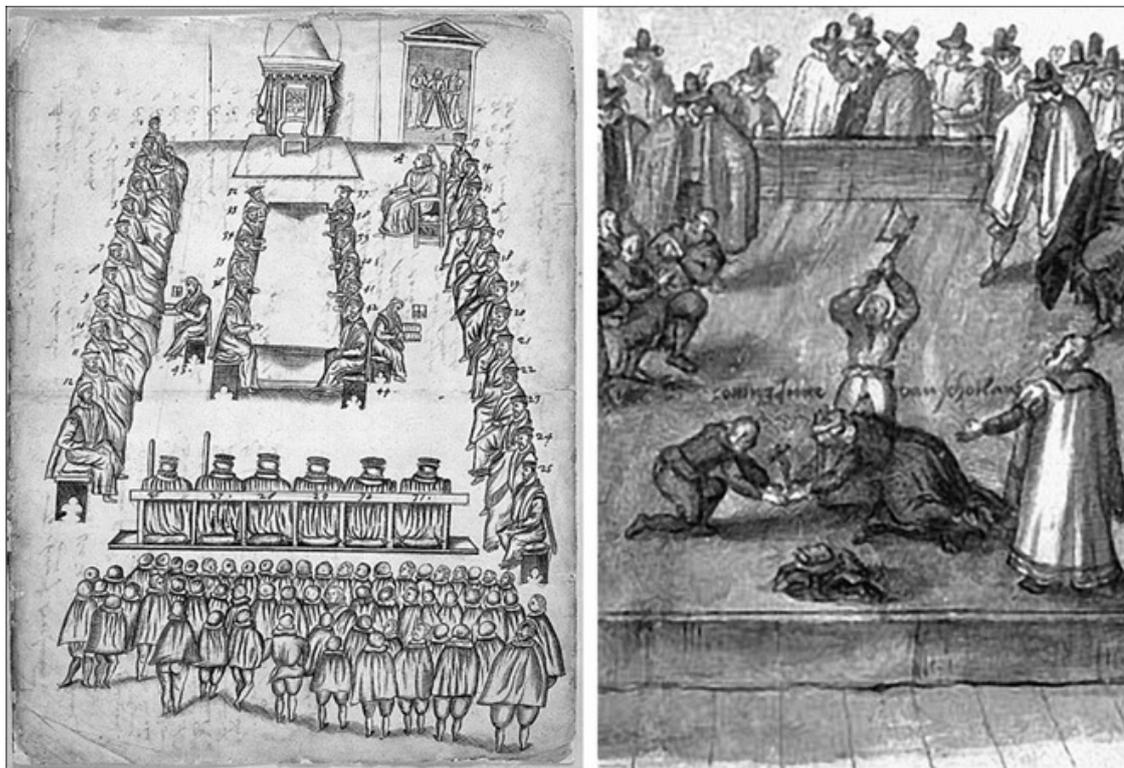
6 июля состоялась казнь. Вместо речи Мор бросил палачу, попросившему у него прощения: «Постой, уберу бороду, ее незачем рубить, она никогда не совершала государственной измены».

«Насаженная на кол голова “изменника”... внушала лондонцам “почтение” к королевскому правосудию» (Е. Черняк). «Через месяц дочь Томаса Мора, Маргарита Ропер, уговорила палача отдать ей голову отца и захоронила ее в склепе Роперов под церковью Святого Дунстана в Кентерберии. А тело было погребено в восточном конце церкви Святого Петра в Винцуле – недалеко от места казни» (Н. А. Ионина).

Эразм Роттердамский написал о Томасе Море: «Его душа была белее снега, а гений таков, что Англии никогда больше не иметь подобного, хотя она и будет родиной великих людей».

Две сестры во Христе

Нередко рассказ о шотландской королеве Марии Стюарт (1542–1587) сопровождается комментариями о ее трагической судьбе и возмущением на английскую королеву Елизавету I (1533–1603), казнившую сестру и помазанницу Божию. Однако обратимся к фактам.

Суд над Марией Стюарт и ее казнь

Борьба за английский трон двоюродных сестер началась в конце 1550-х гг. и продолжалась без малого 30 лет. Помимо Марии – племянницы короля Генриха VIII и правнучки короля Генриха VII Тюдора и Елизаветы – дочери Генриха VIII и Анны Болейн имелся еще один претендент на престол – Генрих Стюарт, лорд Дарнли, потомок по материнской линии Генриха VII.

Римский папа отказался признать брак Генриха VIII со второй его женой Анной Болейн, объявив их отношения «блудом», потому Елизавета считалась незаконнорожденной.

Лорд Дарнли, став позднее, в 1565 г., мужем Марии, оказался под каблуком супруги и фактически добровольно отказался от претензий на английскую корону.

В 1558 г. бездетная королева Англии Мария I Тюдор (Кровавая), дочь Генриха VIII и первой его жены Екатерины Арагонской, на смертном одре назначила преемницей свою сводную сестру Елизавету. Мария Стюарт, уже будучи королевой Шотландии и Франции (она вышла замуж за короля Франциска II), располагавшая поддержкой римского папы и всей католической Европы, после кончины Марии Тюдор самовольно объявила себя английской королевой. Так началось многолетнее противостояние двух королев-сестер. От исхода этого противостояния зависела судьба Англии и выбор господствующей религии, т. к. Елизавета исповедовала протестантизм, а Мария – католицизм.

Все эти годы Елизавета I старалась идти на некоторые уступки своенравной сестре, но Мария категорически отказывалась признавать ее королевой Англии.

В надежде на реализацию своих прав на английский престол, шотландская королева готовила почву для захвата власти. Так, в начале 1560-х гг. она готовила брак с Доном Карлосом, сыном испанского короля Филиппа II, который мог стать союзом двух государств, столь нежелательным и даже губительным для Англии. Этот брак не состоялся, и Мария вышла замуж за своего кузена лорда Дарнли, вызвав негодование Елизаветы I, обеспокоенной усилением позиций обоих претендентов на английский трон.

К счастью для Елизаветы, между Стюартами наступило охлаждение еще до рождения их наследника Якова, будущего короля Англии. В 1566 г. образовалась враждебная Марии коалиция Дарнли и протестантских лордов Шотландии.

10 февраля 1567 г. любовник Марии Стюарт Джеймс Хепберн, граф Ботвелл, при активном содействии королевы организовал успешный заговор против шотландского короля. Лорда Дарнли задушили и для отвода глаз взорвали его дом.

Через три месяца после этого Мария вышла замуж за Ботвелла. Воспользовавшись преступлением, противники Марии – протестантские лорды восстали и 24 июня 1567 г. разбили армию королевы, заключили Марию Стюарт в замок Лохлевен и принудили ее подписать отречение.

В 1568 г. Мария совершила побег, подняла верные ей войска, но вновь была разбита и вынужденно скрылась в Англии, сдавшись на милость Елизаветы I. Та поместила ее в Шеффилдский замок на севере Англии, приставив к строптивой кузине надежных людей. Жаловаться Марии было грех, на ее двор английская и французская казна тратили немалые деньги, но вырваться из золотой клетки венценосной птичке уже было не суждено. Там Стюарт провела 19 лет в тщетной надежде, что бездетная кузина умрет или будет убита, и тогда она по закону наследует английскую корону. Надо сказать, что этого же ожидали Испания, папа римский и другие сторонники католической реставрации Англии.

Предприняв по просьбе шотландских лордов расследование обстоятельств смерти Дарнли (повторяем: законного наследника английской короны) и свержения Марии Стюарт, Елизавета убедилась в участии шотландской королевы в заговоре против мужа. Об этом красноречиво свидетельствовали «письма из ларца» Ботвелла, представленные суду лордами. Следствие признало справедливым низложение Марии.

Вспыхнувшая после этого в Шотландии война между сторонниками и противниками Марии Стюарт окончилась полным поражением экс-королевы. Шотландским королем в 1573 г. стал ее сын Яков VI.

Мария не сломалась. Более того, еще настойчивее стала искать путь на английский трон, который и привел ее в конце концов на плаху. Секретная переписка Марии со сторонниками католицизма и с властителями ряда европейских держав не осталась незамеченной.

В 1569–1570 гг. Елизавета I подавила мятеж католического дворянства в северных графствах Англии, поднятый Томасом Говардом, герцогом Норфолком, состоявшим с Марией в переписке. Освободить Марию Норфолку не удалось, в 1572 г. он был казнен.

Тогда же английские спецслужбы раскрыли заговор Ридольфи (флорентийский банкир, субсидировавший заговорщиков), целью которого было убийство Елизаветы и возведение на английский престол Марии Стюарт. Но и после этого Елизавета терпела происки сестры еще 14 лет.

Однако после того, как приверженцы Марии дважды едва не убили Елизавету, английская королева решила покончить с интриганкой.

Королевские шпионы оказались на высоте. Завязав в 1586 г. с почетной арестанткой от имени группы католиков тайную переписку, начальник разведки и контрразведки ее величества Френсис Уолсингем раскрыл наполовину сфабрикованный им же «заговор Бабингтона».

Вся переписка, из которой следовало, что Елизавету собирались убить, возвести на трон Марию Стюарт и призвать в Англию испанские войска, была представлена Тайному совету.

Тайный совет постановил: «Смерть Марии означает жизнь Елизаветы, жизнь Елизаветы означает смерть Марии». Далее оттягивать суд над изменницей стало бессмысленно.

Елизавета написала Марии письмо, в котором обещала простить ее, если та признается в заговоре, но кузина ничего не ответила.

Суд проходил в замке Фотерингей. Узнице предъявили письмо Елизаветы, в котором королева просила, чтобы Мария «отвечала на вопросы благородных лиц, посланных судить ее так, как если бы это происходило в присутствии королевы Англии». Мария Стюарт в ответ обвинила Елизавету I в том, что та незаконно держит ее пленницей, и отказалась отвечать на вопросы. Члены трибунала заявили арестантке, что будут судить ее в таком случае «в ее отсутствие».

В конце концов, Мария предстала перед трибуналом из шести судей. Заправлял процессом министр и главный советник Елизаветы I Уильям Сесил, барон Бёрли. В зале заседаний присутствовали также девять графов, тринадцать баронов и четыре члена Тайного совета.

Подсудимой от имени королевы было предложено выслушать обвинения и самой защищать себя, на что Мария заявила, что она ни в чем не виновата.

Адвокат высшей категории Гауди изложил детали заговора Бабингтона и обвинил Марию Стюарт в соучастии в заговоре. Подсудимая пыталась опровергнуть обвинения, но когда представили ее переписку с Бабингтоном, разразилась «от обиды» слезами.

В конце концов, Стюарт призналась в связях с иностранными государствами и в осведомленности о заговоре Бабингтона, но отрицала покушение на убийство «дорогой сестры».

25 октября суд вынес подсудимой смертный приговор.

Неоднократные требования Марии «возможности предстать перед Парламентом или лично перед королевой Елизаветой» удовлетворили. Парламент собирался без участия Марии несколько раз. В перерывах между заседаниями у Елизаветы побывали делегации палаты лордов и палаты общин с просьбами согласиться на казнь.

Королева недвусмысленно ответила им: «Если бы ответственность не лежала на всех нас и опасность угрожала бы только моей жизни, а не всему государству и нашей религии, я бы простила это преступление... Отныне... решено, что моя безопасность не может быть обеспечена иначе, кроме как ценой головы принцессы...» (Б. Грибанов).

На сессии 2 декабря парламент единогласно признал Марию Стюарт виновной в разжигании конфликтов в Англии и в покушении на жизнь королевы, что для Елизаветы I означало одно: подписать преступнице смертный приговор.

4 декабря приговор над Марией огласили публично, что вызвало в Лондоне ликование и фейерверки.

Больше месяца Елизавета не решалась назначить день казни, но когда 8 января 1587 г. Тайный совет объявил о раскрытии нового заговора с целью убийства королевы, замышленного во Франции, это укрепило решимость монархини. 1 февраля она, так и не дождавшись от кузины просьбы о помиловании, подписала приказ о ее казни.

8 февраля в зале замка Фотерингей в присутствии трехсот дворян и рыцарей Мария была возведена на эшафот, где после зачтения приговора палач с трех ударов отрубил ей голову. Похоронили Марию Стюарт в соборе Питерборо.

Став английским королем, Яков VI Стюарт приказал в 1612 г. похоронить прах матери в Вестминстерском аббатстве, а замок Фотерингей разрушить.

P.S. Когда собирались уносить с эшафота труп, на слуг с остервенелым лаем набросилась окровавленная собачонка, любимица Марии, скай-терьер Геддон. Она пряталась в складках одежды хозяйки.

«Собачка лает, кусается, визжит, огрызается и не хочет отойти от трупа... С большей страстью, чем родной сын, чем тысячи подданных, присягавших ей на верность, борется крошечное создание за свою госпожу» (С. Цвейг).

В отчете о казни уделена этому эпизоду одна строка: «Собаку унесли и вымыли».

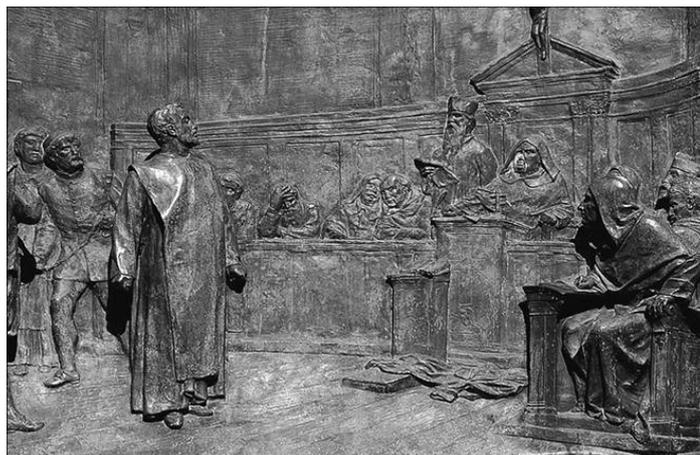
Костер бессмертия

Дело итальянского монаха-доминиканца и священника, философа и поэта Джордано Филиппо Бруно Ноланца (1548–1600) 250 лет было скрыто от мира. Часть протоколов и постановлений святой инквизиции по процессу Бруно впервые стала доступна во время революции в Ломбардии и Венеции (1848–1849).

За истекшие полтора века многие нюансы дела так и не прояснились. В т. ч. 8 пунктов обвинения («еретических положений»), о которых упоминается в приговоре инквизиции, послуживших основанием для придания философа казни – нет их перечня, как нет и самого приговора. Нет и письменного заявления Бруно о своем «решительном отказе подписать отречение», уничтоженного инквизицией.

Исследователи смогли восстановить лишь один пункт: «отрицание Джордано Бруно таинства пресуществления» – «процесса полного сущностного превращения хлеба и вина (Святых Даров) в Тело и Кровь Христову». Предполагают, что еще два пункта касались т. н. новатианской ереси (отрицавшей возможность прощения грешников) и трактовки Бруно положения, «находится ли душа в теле наподобие кормчего на корабле».

Не вдаваясь в богословские премудрости, изложим общепринятую трактовку событий.

Джордано Бруно перед римской инквизицией. Барельеф Этторе Феррари. 1889 г.

В 1591 г. крупнейший знаток Аристотеля, пантеист Джордано, исколесивший Италию, Францию, Англию, Германию, Чехию в поисках пристанища и кафедры, с которой он мог бы проповедовать людям свою истину, изложенную им во многих речах, философских трактатах, поэмах и комедиях, принял приглашение молодого венецианского дворянина Джованни Мочениго.

Аристократ хотел постичь мнемонику – искусство запоминания. Но то ли оттого, что у Джованни была короткая память – не чета феноменальной памяти Бруно, то ли оттого, что ему вдруг захотелось обучиться искусству изготовления золота, чему Джордано не обучал, отношения у них не сложились.

Болезнь того, Бруно обозвал ученика ослом (любимое словечко философа для туповатых упрямец), а тот в ответ запер учителя в комнате и настроил в венецианскую инквизицию три доноса – 23, 25 и 26 мая 1592 г. – о том, что Бруно еретик и богохульник; не верит в Троицу и святое причастие; отрицает, что Дева Мария могла родить, зато твердит о переселении душ, вечности мира и бесконечности миров.

Доносчик также указал, что в своей книжке «Песнь Цирцеи» в образе свиньи Джордано подразумевает папу; хулит Христа и называет Его магом; похвально совершить чудеса бóльшие, чем апостолы; обзывает монахов ослами; хочет основать секту под названием «Новая философия» и т. д. С доносами Мочениго отправил и четыре книги Бруно, в которых отметил крамольные места. (Через 2 года он добавил наветов.)

И хотя к таким пространственным доносам отцы-инквизиторы отнеслись с недоверием, они все же заключили Бруно в монастырскую тюрьму. Трибунал (инквизитор Г. Салюцци, папский нунций Л. Таберна, уполномоченный по борьбе с ересями член Совета мудрых Сената Венеции А. Фускари) тут же приступил к сбору свидетельских показаний и допросам заключенного. Копии протоколов допросов отсылались в Рим.

Проведя 7 допросов, следователи не смогли уличить узника в ереси и в пропаганде этой ереси. Формально Бруно покаяться в своих грехах, но все обвинения отверг и не признал своих ошибок. Останься Бруно во власти венецианской инквизиции он, скорее всего, был бы осужден на ссылку в какой-нибудь монастырь в глухомани.

Однако Л. Таберна оказывал давление на инквизицию, и правительство Венеции своими оговорами подвело Джордано под категорию беглого монаха-вероотступника и «заведомого ересиарха» (главу ереси), подлежащего уголовной ответственности. Рассмотрением таких дел занимался Рим.

Примечательна казуистическая характеристика обвиняемого, изложенная главным прокуратором республики Ф. Контарини: «Он совершил тяжчайшие преступления в том, что касается ереси, но это – один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить, и обладает необычайными познаниями и создал замечательное учение».

12 сентября 1592 г. папская инквизиция официально потребовала выдать ей Д. Бруно. Сенат Венеции во главе с дожем П. Чиконья отказался сделать это, но по требованию Контарини, посланца папы И. М. Беккария и под нажимом самого Климента VIII, пригрозившего интердиктом (отлучением города от церкви), дал согласие – «в связи с политическими обстоятельствами текущего момента».

Постановление о выдаче Д. Бруно было вынесено 7 января 1593 г.

19 февраля философа, закованного в кандалы, направили на корабле в Рим, а там спустя неделю заточили в тюрьму.

Четыре года судьи скрупулезно изучали натурфилософские и метафизические трактаты Джордано, выискивая в них доказательства его еретических воззрений, и 16 декабря 1596 г. приступили ко второй серии допросов (всего 10), используя доносы Мочениго и показания сокамерников Бруно.

Упор был сделан на богохульство обвиняемого, его высказывания против культа святых, Христа, Богородицы и др. Не были забыты богословские и философские темы, разработанные философом.

По мнению ряда исследователей, следствие велось «с пристрастием», хотя к священникам пытки, как правило, не применялись.

Конгрегация инквизиции, судившая Бруно, состояла из секретаря инквизиторского трибунала доминиканца кардинала Сансеверины, верховного инквизитора кардинала Мадруцци, иезуита кардинала Беллармино, принимавшего впоследствии участие в суде над Галилеем, и еще 6 кардиналов.

Сверхзадачей судей было добиться от обвиняемого раскаяния и отречения от его идей, безоговорочно подчинившись папскому престолу. Сделать это было несложно, т. к. на философа имелось много совпадавших доносов и показаний разных лиц, а также его уличали собственные труды (поэма «О безмерном и бесчисленном», диалог «Изгнание торжествующего зверя», трактат «О связях вообще» и др.), изобиловавшие еретическими утверждениями. Достаточно упомянуть неприятие Бруно религиозного откровения, догмата пресуществления

и таинства причастия, отрицание им догмата Троицы и божественности Христа, а также чудес, творимых Им и апостолами, утверждение множественности миров, критику схоластического богословия, поклонения иконам и реликвиям святых, высмеивание «отцов церкви» и т. д.

В конце 1598 г. во время наводнения в Риме тюрьма была затоплена, и Бруно едва не погиб. После разгула стихии судьи продолжили «увещевать» узника отказаться от своих убеждений, но Джордано был непоколебим. При этом он решительно отвергал все показания свидетелей и отстаивал свои философские взгляды.

4 февраля 1599 г. конгрегация инквизиции под председательством Климента VIII предъявила Бруно ультиматум: признать ошибки и отречься от своих еретических взглядов, сохранив, таким образом, жизнь; в противном случае ему грозило отлучение от церкви и смерть.

Философ на это заявил, что «не должен и не желает отречься, не имеет, от чего отречься, не видит основания для отречения и не знает, от чего отречься».

20 января 1600 г. суд принял окончательное решение: брат Джордано был «предан светской курии». Приговор «нераскаявшемуся, упорному и непреклонному еретiku» огласили 8 февраля. Бруно был «извергнут словесно из духовного сана», «лишен... церковного сана» и «предан светскому суду... монсиньора губернатора Рима».

Сверх того, были осуждены и запрещены «все... книги и писания как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения». Труды философа подлежали публичному сожжению и внесению в Индекс запрещенных книг.

Последнее слово Бруно осталось в веках: «Вероятно, вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его».

После «обряда проклятия» коленопреклоненного осужденного извергли «из всякого духовного сана» и лишили «всех титулов».

17 февраля на Кампо ди Фьоре (площади Цветов) в Риме состоялась казнь философа.

Под пение молитв и духовные увещевания Бруно сожгли заживо. Чтобы Джордано не обронил напоследок чего-нибудь крамольного, язык его был зажат в специальные тисочки...

Говорят, последними словами «врага всякого закона, всякой веры» были: «Я умираю мучеником добровольно».

P.S. В 1889 г. на месте казни Д. Бруно был воздвигнут памятник. Вопрос о реабилитации философа ставился, но так и не был решен, т. к., по мнению понтифика, действия инквизиторов были полностью оправданы.

XVII век

Ночь Гая Фокса

В 1603 г., находясь на смертном одре, королева-девственница Елизавета I назначила своим наследником двоюродного племянника, короля Шотландии Якова VI (1566–1625). Он был сыном Марии Стюарт, казненной в 1587 г. по приговору английского суда за попытку организации убийства Елизаветы. На английский престол новый король взошел под именем Яков I. От королевы-девственницы в наследство ему достался не только «золотой век Англии», но и клубок религиозных противоречий между католиками, пуританами (радикальными протестантами) и англиканами (умеренными протестантами).

Казнь Гая Фокса. С гравюры К. Вишера. 1606 г.

Два суверенных государства, Англия и Шотландия, стали управляться одним монархом. Заняв в решении религиозных вопросов нейтральную позицию, Яков не скупился на реверансы во все стороны, легкие побрякки и смутные обещания.

Веротерпимость государя, чаще показная, разочаровала и протестантов, и католиков. Пуритане потребовали независимости своей церкви от светской власти и закрытия епископств. Католики, получив от Якова свободу совести и освобожденные от штрафов, которые наложила на них Елизавета, но по-прежнему обязанные ходить в англиканскую церковь, перестали посещать официальное богослужение. В ответ Яков осадил и тех и этих. В частности, ввел законы

против католического неконформизма, предусматривавшие наказание за подобный бойкот. Католики, в свою очередь, предприняли несколько неудавшихся покушений на монарха, самым серьезным из которых стал Пороховой заговор Роберта Кетсби (1572–1605), Гая Фокса (1570–1606) и еще 10 дворян-католиков.

Утром 5 ноября 1605 г. в здании палаты лордов на открытии сессии парламента должен был выступить Яков I с тронной речью перед членами обеих палат (преимущественно протестантами), верховными представителями судебной власти страны и в присутствии наследника принца Генриха. Заговорщики планировали одним махом покончить с «ненавистным Стюартом» и «шотландским засильем», возвести на трон кого-либо из малолетних детей Якова – принца Карла или принцессу Елизавету при католических регентах и сформировать католическое правительство.

Для этого злоумышленники арендовали подвал здания парламента и тайно свезли туда 36 бочек с оружейным порохом, тщательно замаскировав их досками и углем. Взрыв пороховой мины уничтожил бы дом полностью.

Планы группы нарушил один из заговорщиков, направивший 26 октября сенатору лорду Моунтиглу письмо, в котором советовал ему пропустить открытие сессии парламента, т. к. Бог и люди решили покарать нечестивого «страшным ударом».

Моунтигл передал письмо госсекретарю Р. Сессилу, а тот 3 ноября показал его королю, вернувшемуся с осенней охоты.

В полночь с 4 на 5 ноября полицейские во главе с мировым судьей Ниветом произвели обыск здания парламента, обнаружили и обезвредили пороховую мину с подсоединенным фитилем, схватили с поличным (часами, фонарем и трутом) Фокса и тут же доставили его королю. Задержанный не стал отпираться и признался, что готовился убить монарха и взорвать парламента – чуть ли не по директиве папы римского о том, что «опасная болезнь требует незамедлительного лечения» (А. Саттон). Говорят, своим бесстрашием Фокс «чуть ли не очаровал» Якова, но для королевства он, точно, стал символом всего заговора.

Расследованием руководил лейтенант лондонского Тауэра сэр У. Уэйд. Два дня заговорщика допрашивали без пристрастия, на третий с санкции монарха к нему применили пытки. По одним данным, Фокс выдал своих единомышленников, по другим – так и не признался, и соучастников установили из другого источника. Из какого – не ясно, но определили и удалили с хирургической точностью.

Как бы там ни было, 10 ноября Гай подписал (неразборчиво) текст составленного не им признательного заявления. Через несколько дней заговорщиков арестовали. При задержании погиб Р. Кетсби – организатор Порохового заговора.

Кетсби был оппозиционером со стажем. За участие в мятеже графа Эссекса (1601) его помиловали, но присудили огромный штраф (2,5 тыс. ф. ст.), оплатить который он смог, продав родовое имение. Решив любой ценой «вернуть Англию в лоно католицизма», религиозный фанатик с воцарением Якова на английском троне стал готовиться к взрыву здания парламента. «В этом месте, – заявил Кетсби, – они причинили нам все зло, и, быть может, Господь обрек это место служить для них карой». Аристократа поддержали иезуиты.

По другой версии, именно английские иезуиты во главе со своим префектом (руководителем) Генри Гарнетом (1555–1606) организовали заговор, вовлекли в него Кетсби, обещав ему поддержку грандов Испании. Есть и противоположное мнение, что заговор устроили провокаторы для дискредитации иезуитов и усиления позиции пуритан.

Но скорее всего заговора не было и в помине. Его придумали в окружении короля для того, чтобы Якову можно было, пользуясь случаем, закрутить гайки, сбить градус общественного недовольства и устранить наиболее одиозных противников.

«Главные тайны были унесены заговорщиками в могилу. Часть того, что будто бы стало известным, вызывает подозрение – и не случайно. Слишком могущественны были люди, заин-

тересованные в том, чтобы вся правда о заговоре никогда не выплыла наружу. Через их цензуру прошло почти все, что мы знаем о заговоре...» (Е. Черняк).

«Следствие, допросы и пытки не только не прояснили, а, напротив, скорее – и, быть может, сознательно – запутали историю “Порохового заговора”».

Показательный судебный процесс (с предрешенным приговором) над группой заговорщиков – «робингудами» по словам прокурора – прошел в Вестминстерском зале здания парламента 27 января 1606 г.

Еще до суда, 21 января парламент ввел дополнительные ограничения в правах для католиков и объявил 5 ноября навечно днем вознесения благодарственной молитвы.

Все заговорщики были признаны виновными в государственной измене.

Казнь осужденных состоялась 30 и 31 января в центре Лондона во дворе собора Св. Павла. Заговорщиков подвергли изуверской казни, предназначавшейся для цареубийц. Фокс с переломанными руками и ногами умудрился избежать страшных мучений: вырвавшись из «объятий» палача и прыгнув с эшафота с накинута петлей, он сломал себе шею.

Казнь заговорщиков не поставила точку в этом процессе. 27 января был задержан скрывавшийся до этого отец Гарнет, которого королевская пропаганда уже успела представить как душу заговора, связанного с Ватиканом. После допроса на Тайном совете арестованного, отвергнувшего все обвинения, поместили в Тауэр.

И хотя Гарнет не был овечкой, каким его представляют идеологи католицизма, его все равно (напрашивается невольный каламбур) сделали козлом отпущения. Расследование, в частности, установило, что священник причащал 6 главных заговорщиков, знал о готовящемся покушении на короля и не донес. Тем не менее Гарнета, так и не признавшего себя виновным, и еще нескольких иезуитов обвинили не в доносительстве, а в организации всего заговора. 28 марта состоялся судебный процесс (на нем тайно присутствовал король) и был провозглашен вердикт. 3 мая осужденных казнили.

В опросе Би-би-си 2002 г. «100 величайших британцев» 30-е место занял Гай Фокс, что лишний раз свидетельствует о большей терпимости современного английского общества к государственным преступникам. За давностью лет Фокс вообще превратился в «отличного парня Гая», о котором сочинены песни, баллады, сняты фильмы. Само имя неудачного заговорщика стало нарицательным словом *gu* – «парень». Оно означает также чучело Фокса, которое толпа сжигает в «ночь Гая Фокса», ежегодно отмечаемую в Великобритании и др. англоязычных странах 5 ноября вот уже более 150 лет. В полночь приставы палаты лордов облачаются в одежды XVII в., берут в руки факелы, спускаются в подвал здания парламента и делают вид, что ищут бочки с порохом. А на улицах Лондона ликует хмельная толпа, искрят фейерверки, в костры летят изображения Гая. Шоу длится до утра...

Суд над Равальяком

Убийство истовым католиком Жаном Франсуа Равальяком (1578–1610) французского короля Генриха IV (1553–1610) стало одним из самых знаменательных событий в мировой истории. Как известно, Генрих IV был потомственным гугенотом (протестантом) и оставался таковым даже после объявления его наследником французского католического престола. Однако когда погиб от кинжала убийцы его кузен и монарх Генрих III, народ не впустил нового короля в столицу. Противостояние длилось несколько лет, пока Генрих IV не воскликнул решительно: «Париж стоит мессы!» – и не перешел в католическую веру. (Генрих вынужден был принять католичество после резни в Варфоломеевскую ночь, но, сбежав от врагов, он вновь вернулся в протестантизм.) Короче, этот беспринципный человек в политических интересах то и дело перебежал из одной веры в другую. Все бы ничего, но происходило это в эпоху грандиозных религиозных войн во Франции, когда протестанты отменили церковную мессу, что стало одним из главных яблок раздора между гугенотами и католиками.

31-летний Равальяк из Ангулема, городка на западе страны, чуть ли не с детства возмущался такой беспринципностью монарха. Фанатично верующий католик, он не мог понять и принять веротерпимость в отношении еретиков. После того как Генрих IV затеял войну с Испанией, поддержал протестантских немецких князей в их конфликте с императором Священной Римской империи Рудольфом II (католиком) и, по слухам, собрался низложить самого римского папу, на Равальяка снизошло «видение» – он должен принести французского короля в жертву Богу.

Четвертование Равальяка 27 мая 1610 г. на Гревской площади. Гравюра XVII в.

Жан Франсуа трижды пытался проникнуть в Лувр с намерением убедить монарха, чтобы тот немедленно принудил всех гугенотов стать католиками. А для большей убедительности герой припрятал остро наточенный кинжал. Всякий раз настойчивого посетителя задерживала охрана, и после обыска и допроса его выпроваживали вон. Любопытно, что кинжал у злоумышленника никто не обнаружил.

Некоторые документы свидетельствуют, что Жан Франсуа был сумасшедшим одиночкой. Однако после убийства короля члены парламента, судившие Равальяка, попытались выявить заговор. В частности, были поставлены вопросы: от кого убийца получил кинжал? как узнал маршрут королевского кортежа?

Многие персоны были на подозрении у следователей. Вот некоторые из них.

Вдова погибшего Мария Медичи. Накануне убийства муж короновал ее и официально провозгласил регентшей при малолетнем сыне Людовике. Связано это было с готовившимся отбытием короля на войну.

Итальянский нотариус, фаворит королевы, а заодно супруг ее ближайшей подруги – Кончино Кончини.

Герцог д'Эпернон (бывший фаворит Генриха III) и посол Испании граф Фуэнтос – оба заклятые враги Генриха IV.

И многие-многие другие – отставные вельможи французского двора и «обиженные» католики и протестанты. Генрих IV все свое царствование находился меж ненавидевшими друг друга группировками, и ему было чего опасаться – за 15 лет на него совершили 10 покушений.

Многие из потенциальных заговорщиков, как выяснилось уже после суда, знали Равальяка, который, как никто другой, подходил на роль цареубийцы – фанатик-идеалист, полагавший, что со смертью носителя зла заканчивается и сами зло.

Накануне убийства Равальяк два дня отслеживал выезды Генриха IV из Лувра. Наконец 14 мая 1610 г. ему повезло: королевский экипаж застрял на тесной улочке, и охранники стали расчищать путь. Злоумышленник подбежал к карете, вскочил на ступицу заднего колеса и в открытое окно трижды пронзил грудь Генриха кинжалом.

После покушения Жан Франсуа не стал убегать, хотя и оказал бешеное сопротивление задержавшим его. Равальяк почему-то был искренне уверен, что его немедля увенчают лаврами героя. На самом деле, если бы гвардейцы спешно не доставили убийцу в отель Гонди, его неминуемо растерзала бы разъяренная толпа. Для начала преступника избили до полусмерти и подвергли жесточайшему допросу, пытаясь с ходу выявить сеть заговорщиков, но узнали только его собственное имя. Тогда же убийцу посетил иезуит отец Коттон. Очевидцы слышали, как он уговаривал Равальяка: «Сын мой! Не обвиняй добрых людей!» (Под «добрыми», надо полагать, святой отец имел в виду заговорщиков).

Дело передали в парижский парламент. Председателем суда стал глава парламента Гарле, «преданный патриот Франции». Процесс длился всего 2 недели. Регентша Мария Медичи не горела желанием проводить всестороннее расследование; естественно, ее настроение было доведено и до судейской коллегии. Судьи, однако, проявили некоторую строптивость и постарались докопаться до истины. Увы, у них ничего не получилось. Равальяк оказался крепким орешком.

На многочисленных допросах, проводившихся по очереди судьями, председателем суда, консультантами, представителями католической митрополии, монахами, врачами Сорбонны Жан Франсуа повторял, что убив короля, он лишь исполнил волю французского народа и своих «видений»; что сделал он это сознательно, без какого-либо внешнего подстрекательства; что вынашивал идею убить Генриха давно, еще со времени Нантского эдикта (1598), давшего гугенотам свободу вероисповедания и прекратившего во Франции религиозные войны; что ждал только, когда будет коронована Мария Медичи, дабы не оставить страну без монарха.

«Три дня убийцу допрашивали с пристрастием, но не получили от него сведений о сообщниках даже тогда, когда пригрозили привезти из Ангулема его отца и мать и казнить их» (Ж. Бенцони).

«Нехотя назвал Равальяк имя своего исповедника – иезуита Д'Обиньи», который, представ перед судом, «не колеблясь, решительно отрицал свое знакомство с Равальяком».

Судьи не смогли сломить сопротивление подсудимого ни уговорами, ни страшными пытками. Равальяк ни слова не сказал о соучастниках его преступления. Обвиняемый повторял одно и то же, что он посланник Божий и повинуеться только Божьему персту. «Когда его спросили, кто он по профессии, он ответил, что “призван усовершенствовать процессы, происходящие при дворе”» (А. Кастело).

Поскольку никаких свидетельств о заговорщиках судьи не получили, они вынуждены были признать, что Равальяк – фанатик-одиночка, искушаемый дьяволом. Об этой подробности им поведал свидетель Дюбуа, некогда сидевший в тюремной камере с Равальяком. По его словам, он «ночевал в одной комнате с Равальяком и... видел однажды сатану, приходившего к его соседу в виде “огромного и страшного пса”». За цареубийство полагалась казнь четвертованием (преступника привязывали за руки и ноги к четырем лошадям, и те разрывали его на части). А за связь с дьяволом следовал еще и целый арсенал пыток с применением серной кислоты, горячей серы, кипящего масла, расплавленного свинца, каленых щипцов и пр.

По приговору парламента Равальяк был подвергнут страшной пытке и казнен 27 мая 1610 г. в центре Парижа на Гревской площади, при огромном стечении разъяренной толпы («был весь Париж»).

На эшафоте, под угрозой отказа в отпущении грехов, Равальяк «снова и снова повторял, что действовал в одиночку. Он был искренне убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души».

Очевидцы зафиксировали, что убийца был явно растерян, т. к. вместо поклонения толпы, благодарной ему за освобождение от «недостойного» короля, он получил от нее лишь хулу и проклятия. Находясь во власти внушенных ему идей, – отмечали они, – Равальяк был уверен, что на его стороне все королевство. «Когда он осмелился попросить успокоительные капли, чтобы иметь мужество вынести предстоявшие ему смертные муки, ответом убийце был яростный вопль собравшихся здесь людей. Мучительная казнь длилась целый час» (А. Лаврин). Еще до пытки на эшафоте цепочки солдат и лучников с трудом защитили преступника от самосуда толпы.

«По окончании четвертования парижане стали глумиться над останками. Окровавленные части тела таскали по улицам, и это не только не было запрещено, но даже поощрялось властями.

Затем, когда народ натешился в своем кровавом остервенении, то, что удалось собрать, бросили в костер, а прах развеяли по ветру» (Э. Фисэль).

По приговору суда, из Франции были изгнаны родители убийцы (их дом был снесен); им запрещено было под страхом смертной казни возвращаться во Францию. А всем прочим его родственникам (братьям, сестрам, тетям и потомкам) запретили на веки вечные носить фамилию Равальяк.

Парламентский метод борьбы с инакомыслием

О судебном процессе знаменитого в начале XVII в. итальянского мыслителя Джулио Чезаре Ванини (1585–1619) известно немного. Все материалы суда постигла участь самого Ванини – их сожгли. Сохранился лишь приговор парламента города Тулузы – центра провинции Лангедок. Тулузский парламент, славившийся своими суровыми приговорами в делах веры, рассматривал судебные тяжбы жителей всего юга Франции, а также вершил дела, находившиеся под вниманием Святой инквизиции.

Приняв в юности постриг в ордене кармелитов, Джулио не пошел монашеским путем. Он окончил университет в Неаполе и в Падуе, стал доктором юриспруденции и доктором философии и теологии, после чего читал лекции в Германии, Чехии, Швейцарии, Франции, Нидерландах, часто высказывая небеспорные для уха правоверного католика трактовки Священного Писания.

Джулио Ванини. Медальон работы Этторе Феррари. 1889 г.

В жарких спорах по вопросам веры теолог снискал себе массу поклонников среди молодежи, но и немало противников, строчивших доносы о вольнодумце великому магистру ордена кармелитов. В 1612 г., спасаясь от гнева великого магистра, Ванини с английским послом в Венеции Д. Карлтоном (и на его счет) уехал в Англию, где, снискав покровительство архиепископа Кентерберийского Дж. Эббота, публично отказался от католицизма.

Когда Ванини через год решил вернуться на родину, архиепископ упек его в Тауэр, где изменник веры 49 дней ожидал казни. От застенков и смерти Джулио спас очередной английский посол в Венеции – А. Фоскарини.

Вернувшись на континент, философ учительствовал в Генуе, служил в Париже капелланом при маршале де Бассомпьере.

Во Франции инквизиция перехватила богослова и вынудила его покаяться. Обратившись к папе римскому с просьбой снять с него монашеский чин и рукоположить в священники, строптивец получил согласие понтифика. Пишут также, что Ванини требовал от папы доходную церковную должность, угрожая, в случае отказа, «в три месяца опрокинуть всю христианскую религию», но вряд ли такое было.

Из 14 изданных сочинений философа четыре попали в «Индекс запрещенных книг». Сохранились лишь два: «Амфитеатр вечного провидения» (1615) и «Об удивительных тайнах природы, царицы и богини смертных» (1616) – 60 диалогов о физических явлениях. В этих изданиях Ванини полемизировал с древними атеистами, хотя фактически популяризировал их

взгляды, а также сформулировал свои воззрения, почерпнутые из трудов итальянских философов П. Помпонаци, А. Чезальпино, Дж. Кардано, Дж. Бруно.

Яркий полемист, Ванини отрицал творение мира из ничего, бессмертие души, отвергал непорочное зачатие Девы Марии, божественность Иисуса Христа и явленные им чудеса. Бога теолог трактовал, как бесконечное бытие, которое, сливаясь с природой, действует в ней как божественная сила, а людей держит в страхе и рабстве.

Ряд исследователей называют Ванини первым, кто начал рассматривать природу, как регулируемую законами машину, и вообще считают его основоположником современной философии. Во всяком случае, Ванини полагал, что для здоровья общества (нации) надо ежегодно уничтожать по миллиону социальных «паразитов» – «стариков, больных, лодырей, людей, не занимающихся полезным трудом», чем предвосхитил теорию народонаселения Т. Р. Мальтуса и его последователей. Вольтер в «Философском словаре» с пиететом щедро цитировал Ванини.

Современники, включая схоластов Сорбонны, так и не смогли установить, кем был Ванини на самом деле – пантеистом, атеистом или ревностным католиком, и чего больше в его сочинениях и диспутах – внутренней убежденности или страстной ироничной природы. Как бы там ни было, двусмысленность трактовок неминуемо привела их автора к недвусмысленным обвинениям в ереси и атеизме, несмотря на то, что Ванини (по его словам) своими публикациями хотел лишь очистить себя от этих подозрений.

Сорбонна, поначалу одобрявшая к печати работы Ванини, в 1617 г. спохватилась и запретила их, приговорив к публичному сожжению. Дабы не испытывать судьбу, философ бежал из Парижа в Тулузу, приняв имя Помпео Училио. Там он практиковал, как врач, занимался медициной, астрономией, астрологией, нашел себе покровителей-аристократов – Ж. де Бертье (по иронии судьбы, будущего члена суда над нам) и графа А. де Монлюка де Монтескью.

Надо отметить, сладкоголосый Ванини мог очаровывать слушателей и патронов. Современники отмечали, что люди липли к нему, «как мухи к меду». Говорят, что только в одном районе Парижа «он якобы имел 50 тыс. последователей».

После доносов трех аристократов – друзей его покровителя де Манлюка – Г. де Кателя, Б. Баро и де Франкона, Ванини был арестован тулузскими властями и обвинен в проповеди атеизма.

Председательствовал на суде президент тулузского парламента Г. Граммон. Судьями выступили Г. де Картер, де Бертье и др. законодатели Лангедока. Процесс проходил с участием королевского прокурора.

На очную ставку с обвиняемым доносчик Франкон привел свидетелей, которые подтвердили его кляузу.

На вопрос суда, что подсудимый «думает по поводу существования Бога», тот ответил, что Творец един в трех лицах. Остановись Ванини на этом, Троица спасла бы его от обвинения, но теолог вздумал проиллюстрировать свою мысль. По свидетельству Граммона, Джулио «поднял с пола травинку и сказал: эта травинка создана одною природою по ее собственным законам; но она происходит от другой травинки, та от третьей и так дальше вплоть до первой причины, до начала начал, которое я и называю богом» (И. Вороницын). Как ни парадоксально, эту мысль подсудимого суд отнес к атеистическим эскападам.

Роковую роль в судьбе подсудимого сыграла гигантская жаба, которую философ держал дома в сосуде с водой. Увидев это бесхвостое земноводное, судьи увязали его с нечистой силой и объявили Ванини колдуном, поклоняющимся жабе.

После этого все возражения Ванини «были расценены как положительные ответы, некоторые двусмысленные фразы подверглись коварной интерпретации, вполне невинным выражениям был придан ядовитый смысл. В конце концов теснившая его группировка вырвала у судей постановление, осуждавшее этого несчастного на смертную казнь. Чтобы оправдать

такое решение, надо было серьезно обвинить этого злополучного человека в самых его ужасных грехах. Низкий... Мерсенн (М. Мерсенн – французский математик, физик, философ и теолог, теоретик музыки. – *В.Л.*) простер свой бред до того, что опубликовал заявление, будто Ванини отправился из Неаполя с двенадцатью своими апостолами с целью обратить все народы в атеизм» (Вольтер).

Предполагают также, что ирония и сарказм подсудимого, его насмешки над членами суда также вышли ему боком и пролились на мельницу обвинения.

И хотя «в течение процесса Ванини держался с большим достоинством» и явных улик против него не было, суд заключил, что ответы подсудимого продиктованы не его «внутренним убеждением, а тщеславием или страхом». «За атеизм, кощунства, нечестие и другие преступления» 9 февраля 1619 г. большинство судей приговорили Ванини к вырезанию языка, удушению на гарроте и сожжению тела в костре.

В вердикте нет упоминания о том, что Ванини принадлежал кругу либертенов (приверженцев нигилистической философии, отрицающей общепринятые в обществе нормы, прежде всего моральные). Джулио, по одним свидетельствам, не разделял воззрений либертенов, а по другим – был их принцем (идейным кумиром).

В тот же день свершилась казнь. Поставив Ванини на колени, ему велели покаяться перед Богом, королем и судом, на что осужденный ответил: «Что касается бога, то я ни в какого бога не верю; что касается короля, то я его не оскорблял; что касается суда, то пусть он идет ко всем чертям, если вообще черти существуют».

По свидетельству очевидцев, суд нарушил собственное постановление и сжег Ванини живым.

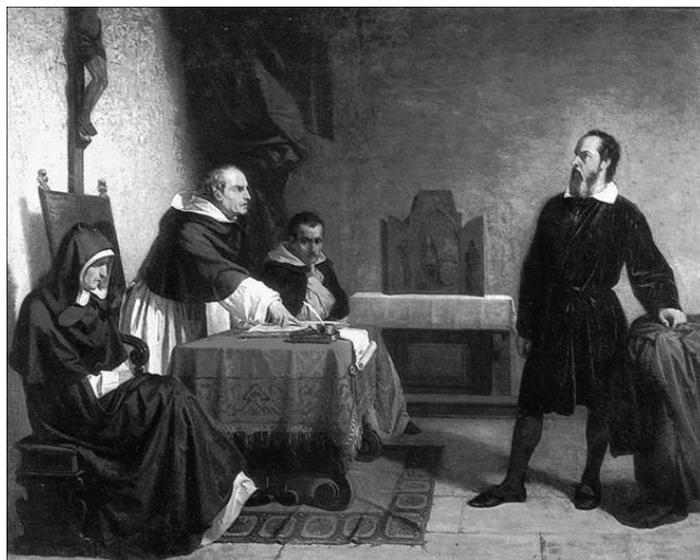
«Через два дня после казни Ванини Монморанси (будущий наместник Лангедока и маршал Франции. – *В.Л.*) и Монлюк на той же Саленской площади устроили балет – театрализованное представление, главным героем которого был волшебник и маг (его играл придворный карлик Монморанси). Апофеозом балета было увенчание мага лавровым венком перед алтарем с жертвенным пламенем и девизом: “Когда меня сжигают, я побеждаю”» (Я. Кротов).

Судебная ошибка

На суд Святой палаты (ватиканской инквизиции) один из основателей естествознания, итальянский ученый Галилео Галилей (1564–1642) попал «по знакомству». Земляком и однокашником Галилея был Маттео Барберини (1568–1644), с 1606 г. кардинал и епископ Сполето, а с 1623 г. римский папа Урбан VIII. Они оба родились и выросли во Флоренции, в Пизанском университете изучали науки, Галилео – медицину, Маттео – право. Долгое время Барберини был почитателем Галилея и даже сочинил стихотворную оду в его честь.

Урбан VIII много занимался строительством, заботился о красоте Рима, но более ославился nepотизмом, раздавая племянникам и прочей родне кардинальские шапки и денежные должности в курии. В первые годы своего папства Урбан «был одним из тех немногих, с кем Галилео мог спокойно обсуждать свою работу», он не раз удостаивал ученого своими аудиенциями, длившимися более часа, «что было беспрецедентным расточительством папского времени».

В 1632 г. понтифик положил этой дружбе конец. Поводом послужила книга Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира – птоломеевой и коперниковой».

Галилей перед римской инквизицией. Художник К. Банти. 1857 г.

О гелиоцентрической модели Коперника узнали еще в 1543 г. из трактата польского астронома. Галилео с молодости был апологетом и затем пропагандистом этой системы. В 1616 г. ученый опубликовал книгу «Звездный вестник», в которой своими телескопическими наблюдениями подтвердил концепцию Коперника. К тому времени имя Галилея, члена Национальной академии деи Линчеи, достигшего успехов в философии, астрономии, физике, математике, механике, было у всех на слуху.

Но слава славой, а выводы из «Звездного вестника», противоречившие некоторым церковным догмам, могли пошатнуть авторитет Церкви, вследствие чего в инквизицию посыпались доносы на Галилея, началась его травля, и вскоре он сам предстал перед коллегией кардиналов Святой палаты. Глава палаты кардинал Р. Беллармен осудил идеи гелиоцентризма и вращения Земли и запретил ученому проповедь коперниканства. Предупреждение было нешуточное, т. к. Беллармен участвовал в суде над Д. Бруно, заживо сожженным по приговору инквизиции в 1600 г.

В начале 1632 г. появился «Диалог» на итальянском языке, доступный широким массам образованной публики. Как и положено, автор еще до публикации подал книгу на изучение церковным цензорам и получил их разрешение. Астроном представил свои идеи в виде гипотезы, в которой уже по выходе книги была усмотрена пропаганда гелиоцентрической теории. К тому же в ней один из трех главных персонажей, Симпличио (от итал. «простак»), напоминал Урбана VIII. Взгляды Симпличио повторяли позицию папы. Самое поразительное заключалось в том, что эти воззрения Галилею порекомендовали включить в книгу именно цензоры (они потом были смещены со своих должностей). Простак, в частности, воспроизвел мысль папы, что Бог может достигать своих целей бесконечным множеством путей, что «не следует лишать Бога выбора» (дословная фраза Урбана). Хотел Галилей или нет, но Симпличио из-под его пера вышел узколобым догматиком.

Надеясь на защиту папы, Галилео невольно обманул доверие покровителя. «По всей вероятности, в решении Галилея опубликовать “Диалог” была некоторая доля самоуверенности». Этим не замедлили воспользоваться враги ученого, в частности, иезуиты, донесшие тут же Урбану на еретический труд.

Самолюбивый понтифик, по отзывам современников, «был взбешен». Некоторые историки считают, что «одно из самых больших подозрений Урбана состояло в том, что Галилей обманывает и предает его», вследствие чего папа назначил ученого жертвой для поднятия своего престижа.

«Незадолго до судебного процесса Тосканский посол в Риме, хороший друг Галилея, едва войдя в папский кабинет, был встречен сердитым криком: “Ваш Галилей осмелился вмешиваться в такие вещи, в которые не следовало бы вмешиваться, он коснулся самых важных и опасных предметов, которые в наши дни могут взбудоражить общественность!”» (Х. Хэллман).

В сентябре 1632 г. инквизиция вызвала Галилея на судебное разбирательство в Рим. К тому времени «Диалог» был запрещен и изъят из продажи. 68-летний ученый попросил разрешения остаться дома ввиду болезни, но Урбан пригрозил доставить его в Вечный город в кандалах.

В феврале 1633 г. Галилей приехал в Рим и 12 апреля предстал перед Святой палатой. Следствие продолжалось до 21 июня. Было проведено 4 допроса.

На 1-м допросе 10 судей (Урбан в следствии не участвовал) обвинили ученого в том, что в «Диалоге» он представил теорию Коперника не как гипотезу, а как доказанную истину, привел в заблуждение цензоров и нарушил запрет 1616 г. «придерживаться, защищать (или учить)» теорию Коперника.

Обвиняемому предъявили подложный (как доказали в XX в.) протокол 1616 г., где были добавлены слова, что Галилею предписано воздерживаться от обсуждения коперниканства «в каком бы то ни было виде». Это обвинение грозило ученому, как «закоренелому еретику», костром. Хорошо, Галилей привез с собой письмо Беллармино, в котором не было такого запрета. Однако ученый не мог не признать, что «Диалог» защищает учение Коперника.

Получив это согласие, суд стал добиваться от обвиняемого покаяния. Галилей не стал упорствовать и объявил, что «не является коперниканцем, а в книге хотел не защитить, а развенчать мнение о движении Земли».

После этого Галилей 18 дней провел под арестом, во время которого к нему, по некоторым сведениям, были применены «не в полной мере» пытки, либо он находился под постоянным страхом их использования.

На 2-м допросе, 30 апреля, Галилей признал, что в книге придал коперниковской системе убедительность большую, чем она заслуживает, и готов внести исправление. Это предложение было отвергнуто, и после допроса ученого освободили из-под ареста.

3-й допрос, 10 мая, не выявил ничего нового.

На 4-м допросе, 21 июня, обвиняемый подтвердил, что готов покаяться, и его снова взяли под арест.

22 июня Святое судилище обвинило Галилея в распространении «лжеучения» и развитии «бредней Коперника», в игнорировании вердикта 1616 г. и в обмане цензоров. Суд постановил «Диалог» запретить, а его автора заключить в тюрьму при Святом судилище на неопределенное время. Для спасительного покаяния Галилею предписывалось в продолжение 3 лет раз в неделю прочитывать 7 покаянных псалмов.

Окончательное решение подписали лишь 7 судей. Копии приговора по личному распоряжению Урбана VIII были разосланы во все университеты католической Европы.

После оглашения приговора ученому вручили текст отречения, который он, сняв верхнюю одежду, зачитал, стоя на коленях. «От чистого сердца и с непритворной верою отрекаюсь, проклиная, возненавидев вышеуказанную ересь, заблуждение или секту, не согласную со Св. Церковью. Клянусь впредь никогда не говорить и не рассуждать, ни устно, ни письменно, о чем бы то ни было, могущем восстановить против меня такое подозрение...»

По легенде, после суда Галилей сказал: «И все-таки она вертится!», однако это не так. Фразу запустил в литературу в 1757 г. журналист Д. Баретти.

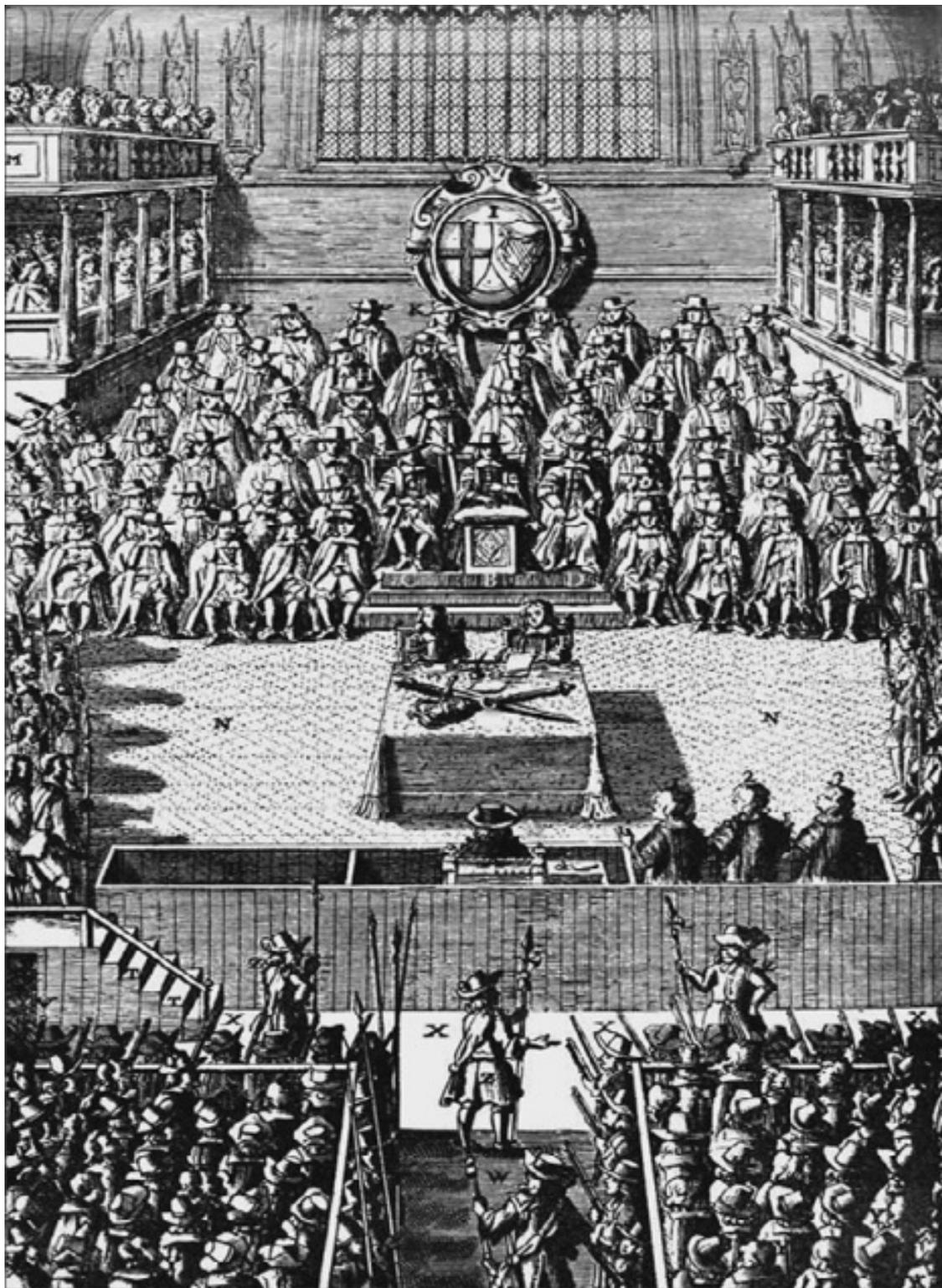
Урбан вскоре выпустил Галилея из заключения, но не из-под присмотра. Ученый до конца своих дней находился под домашним арестом и надзором инквизиции, и, даже когда он ослеп, папа не смягчил условия его содержания. По кончине Галилея 8 января 1642 г. Урбан VIII запретил устраивать торжественные похороны и ставить ему памятник. При этом папа «никогда не пытался помешать продолжавшемуся возвеличиванию Галилея даже высокопоставленными священнослужителями. Никогда не пытался Урбан лично воспрепятствовать и публикации сочинений Галилея» (Л. С. Лернер, Э. А. Госселин).

Запрет на идеи гелиоцентризма был упразднен в 1822 г.

В 1992 г. папа Иоанн Павел II официально признал, что инквизиция, не сумев отделить вопросы веры от научных фактов, совершила ошибку и силой вынудила Галилея отречься от теории Коперника.

Голову потеряв, по короне не плачут

«Никогда не защищайся и не оправдывайся, прежде чем тебя обвинят», – провозгласил король Англии, Шотландии и Ирландии Карл I Стюарт (1600–1649) и был верен своему лозунгу даже на эшафоте.

Суд над Карлом I Стюартом. Гравюра конца XVII в.

Начав царствовать с 1625 г., Карл с помощью своего советника-фаворита герцога Бекингема (убит в 1628 г.) сосредоточил в руках всю полноту государственной и духовной власти, чем, однако, не создал одно мощное государство, а едва не развалил достаточно хрупкий союз трех сторон.

В Шотландии и Ирландии вспыхнули антианглийские восстания, а в самой Англии в 1642–1648 гг. произошли две гражданские войны между сторонниками короля и парламента, унесшие свыше 100 тыс. жизней.

Причин для недовольства своим государем у его подданных накопилось немало: абсолютистская политика, неоднократный роспуск парламента, нарушение принципа неприкосновенности частной собственности, взимание чрезмерных налогов, устранение оппозиционеров, сговор с врагами Англии, предательство сторонников, насаждение католичества, подстрекательства к восстаниям, развязывание гражданских войн... Все это привело самодержца, ставившего королевские права выше королевских обязанностей, к печальному концу.

Потерпев 14 июля 1645 г. поражение при Несби от генерал-лейтенанта парламентской армии О. Кромвеля (будущего лорд-протектора Англии), Карл I три года лавировал между политическими группировками, пока 1 декабря 1648 г. не был арестован сторонниками парламента.

28 декабря 1648 г. палата общин под нажимом Кромвеля вынесла постановление о суде над королем, а 1 января 1649 г. объявила Карла I главным виновником гражданских войн против парламента и предложила создать для суда над ним Верховный суд правосудия. Билль, прошедший три чтения, направили в палату лордов, которая 2 января единогласно его отвергла. Тогда палата общин (спикер В. Ленталь) 4 января объявила себя носителем верховной власти в Англии и уже от своего имени предъявила монарху обвинение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.